

АЛЕКСАНДР МИНЧЕНКОВ

В ДЕБРЯХ УРМАНА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Александр Михайлович Минченков
В дебрях урмана
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540579

*В дебрях урмана:
ISBN 978-5-4484-7808-6*

Аннотация

С тех пор как люди полюбили золото, возник соблазн иметь его как можно больше, стать богаче других, жить в роскоши. Авантюрные замыслы, витавшие в умах преступников, воплощались в разбойничьи налёты и дерзкие ограбления. Бандиты не терзались совестью и не боялись Бога. Кровавые драмы, разыгрывавшиеся на приисках таёжной Сибири, и легли в основу этого повествования.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	46
Глава 8	61
Глава 9	67
Глава 10	71
Глава 11	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Александр Михайлович
Минченков
В дебрях урмана**

© Минченков А.М., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

В тёплый майский день в городском парке в уединённом месте на лавочке сидели двое мужчин. Одному лет под тридцать, второй выглядел моложе.

Со стороны можно было подумать: приятели нашли тихий уголок, присели отдохнуть, подышать воздухом, наполненным ароматом распустившейся зелени, полюбоваться и порадоваться весне, которая уже господствовала в полную силу, и повсеместно ощущалось приближение долгожданного после сибирской зимы лета.

Однако это было не так, этим двум собеседникам не до весеннего пейзажа, они были поглощены разговором отнюдь не лирикой о природе.

– Ты знаешь, Борька, а я рад встрече, – сказал тот, что младше по возрасту другого.

– Как освободился, чем занимался? – Борис, шурясь от солнца, глянул на собеседника.

– Ничем, мотался туда-сюда.

– И всё ж, Тихон, руки к чему-то ведь прилагал?

– Да не особо, то там, то сям, а меж делами присматриваюсь, куда податься да чем основательно заняться. Друзей нет, а какие были, так сторонятся – не желают с бывшим эком якшаться, – ухмыльнулся Тихон.

– Понятно. Значит, человек свободный, ни семьи, ни кола

ни двора.

– Почему, угол есть, правда, не свой – комнату снимаю, в запасе копеечка имеется. А ты чем дышишь? Ведь как с тобой расстались, сколь воды утекло.

– Хвастаться нечем, мало-помалу гребу денежку грузчиком в порту. Предлагали местные бандюги бригаду домушников возглавить, пошёл в отрез. Поразмыслил: ни к чему пока такое баловство, в случае чего это ж опять зона.

– Да колонии я тоже нахлебался и ухарей и беспредела разного насмотрелся, натёр бока на пальмах. Но и там жить можно, если с башкой дружить и не расслабляться.

– Можно, но на воле как-то проще – жизнь другая во всех смыслах. – Борис развёл в стороны руки и глубоко вдохнул воздух. – Смотри, могу подсобить с трудоустройством, в бригаде люди меняются словно перчатки.

– А что так?

– Кого за пьянку и прогулы выгоняют, другие не выдерживают, увольняются – труд-то нелёгкий, это ж не цветочками на рынке торговать.

– Здесь с постоянной работой повременю. Дядька звал меня к себе на Ленские прииски, вот и размышляю, может, в родные места отправиться. – Тихон слегка закусил нижнюю губу – вспомнил о родителях, родной поселковый домишко.

А вспоминать и было что и вроде нечего. Родился в приисковом посёлке, подрос, бегал с одноклассниками по улицам, в игры разные играли, порой хулиганили, не без этого, пришло

время и в школу отправили, начальное образование получил, хотя учился без особой охотки. К школе относился так, лишь бы день прошёл, за баловство и пропуски уроков родителей в школу часто вызывали, попадало, но и наказания не помогали. В среднюю школу уже не ходил – в 1941 году началась война. Отца призвали на фронт, а мать трудовую лямку тянула, с утра до позднего вечера работала. Приходила домой и валилась с ног, от усталости и горя, причиной которому стала скорая гибель мужа, руки совсем не доходили до сына, глядела, лишь бы он сыт был, а сама впроголодь днями маялась.

А вскоре и мать слегла, долго болела, соседи поначалу помогали, кто хлеба подаст, кто картошкой угостит. Недолго тянула – померла, ушла из жизни тихо и внезапно, не успев и слова последнего сказать сыну, и остался Тихон один как перст. Дядька, двоюродный брат отца, пожалел парня, взял к себе, а жил он один бобылём. Родительский дом продали, и переехал Тихон со своими вещичками к дядьке – Крохину Николаю Петровичу. На фронт его не взяли, у него была бронь, как на специалиста, потребного для горно-поисковых работ.

Крохин после окончания горного техникума работал геологом на золотодобывающем участке прииска. С женитьбой как-то у него не клеилось. То с одной дамой сердца сойдётся, то с другой – характером не сходились, к тому ж дети не рождались. А как узнал от врачей, что он бесплодный, так и

вовсе женитьбу отбросил, по девкам да незамужним женщинам начал похаживать, вином и водкой баловаться. Но алко-голем не злоупотреблял, дорожил работой, копил деньги – хотел, как выйдет на пенсию, выехать из района куда-либо, купить дом, а пока каждый год, это уже после войны, ездил отдыхать дикарём на Чёрное море.

Тихон стал совершеннолетним, но пока жил у дяди, время ж проводил как сам по себе, временами подрабатывал, а улица с друзьями являлись для него вторым домом. Чужие огороды были своими – стырить морковь или в теплицах снять огурцы с помидорами – это было в норме вещей и не вроде забавы, а в дом волок. Крохин огород имел небольшой, но на нём, кроме картофеля, ничего не выращивал. Если же в доме появлялись какие-то овощи, племянника не спрашивал, полагая они им куплены, либо догадывался, что ворованные, и не ворчал. А иной раз дядька на такое неразумно наставлял: «Правильно, где что близко чужое лежит, надо брать как своё, но с оглядкой».

С напарником-одногодкой Никитой Соболевым раз залезли через окно в один из домов, стащили из комода пару сотен рублей – деньги немалые. Поделили поровну. Понравился лёгкий «заработок». Замыслили повторить – ограбить ещё кого-либо, присматривались. Никита Соболев жил с матерью без отца, его в шахте завалило. Матери было некогда заниматься с сыном – вся в работе с утра до вечера и на дом работу брала – стирала бельё, что-либо шила. Нужда заставля-

ла – троих детей на ноги поднимать надо было, надеялась, что Никита вот-вот на работу устроится и всё легче будет.

Но затею проникнуть в другой дом друга решили отложить, хотя и приглянули хату одного одинокого старателя. А пришла мысль иная, дерзкая – залезть в поселковый магазин промышленных товаров, а там, в витринах часы наручные и дорогостоящие украшения – золотые кольца и цепочки, сережки с самоцветами, кулоны, одним словом, драгоценности. Идея эта пришла Тихону, и Никита её сразу подхватил. В случае удачи – это же богатство, целое состояние! Встал вопрос: как? А тут уже смекалку проявил Никита, предложив ночью забраться на чердак магазина и разобрать печную трубу, спуститься в проём, а тут уж дело техники. В долгий ящик откладывать не стали, в один из будних дней перед выходным днём магазина и решили осуществить план.

Магазин промтоваров, как, впрочем, и все магазины посёлка, сигнализации не имел. Закрывались окна массивными ставнями на петлях, на них накладывались поперечные металлические перекладины со штырём на конце, который вставлялся через отверстие в стене и он закреплялся внутри помещения; входные же двери в магазин закрывались на массивный замок и опечатывались. Такие замки все называли амбарными. Сторожа были, но они, делая абы как осмотры территории, заходили в сторожку и пили чай, глубокой же ночью кое-кто и засыпал, не без этого. Но тем не менее случаев ограблений магазинов и киосков в посёлке никогда

не было.

Тихон сказал дядьке, что пойдёт ночевать к другу, Никита матери соврал так же. А раз так, то и никто и не кинется искать их ночью.

Дело было в конце августа, небосвод темнел рано, улицы становились безлюдны. На чердак магазина забраться пара пустяков – убедившись, что сторож в своей каморке, в торце деревянного здания стояла противопожарная лестница, по ней оба и проскользнули под крышу.

Кирпичная труба сложена с раствором глины и не особо прочно, а посему кирпичи с лёгкостью поддавались даже под небольшим нажимом, словно большие кубики, только тяжелее, чем деревянные. Работали бесшумно, металлическую трубу, что стояла на кирпичной кладке, осторожно сняли и опёрли на перекрытие, теперь ничто не мешало разбирать дымоход.

Когда же наконец труд увенчался успехом, друзья оценили, что лаз готов, и по нему спустились на печь, с неё спрыгнули на пол. Зная, что окажутся в абсолютном мраке, прихватили с собой электрический фонарик. К нему взяли даже запасную лампочку, вдруг перегорит.

Когда же подошли к витринам с драгоценностями, оба восторгались: вот оно! Выдвинув витраж, спешно стали сыпать всё, что попадало под руки, в брезентовую сумку. Времени на это ушло немного, и нужно было поторопиться убраться восвояси. Со сноровкой и помогая друг другу

поднялись на чердак. Прислушались – всё тихо. Спустились по лестнице во двор, в сторожке горел свет, но сторож, вероятно, дремал. Бежали задворками, осмотрительно озираясь по сторонам. На пути только раз всполошилась в одном из дворов собака, она взялась вялым лаем, но вскоре затихла. Достигнув дома Никиты, решили сумку с содержимым пока спрятать в сарае. Вырыли небольшую ямку, положили краденое, накрыли кусочком фанеры и присыпали землёй.

На следующий день местная милиция была во всеоружии. Вопиющая кража! Кто злоумышленники? Где краденое? Работники магазина принялись проводить ревизию, следовало знать: что конкретно и на какую сумму похищено. Тихон же с Никитой затаились и выжидали, чем закончится шумиха.

Поиски грабителей велись интенсивно, «ворошили» всевозможные версии, высказывались подозрения на тех или иных лиц, особо ранее судимых, опрашивали местных жителей, надеясь – что-то просочится. Но тщетно, грабители и ценности как в воду канули. Через неделю вроде как страсти поутихли, но это было обманчиво, сыск работал скрытно, не сбавляя темпы изо дня в день.

У Тихона и Никиты сноровки хватило совершить кражу, а вот сбыть краденое, разума не хватило. Внешне затихшие поиски усыпили бдительность похитителей, и они решили начать сбыт золотых изделий на соседнем прииске. Ходили по посёлку и за низкую цену предлагали людям купить что-либо на выбор. Покупатели находились, и это парней

открыляло. Ну как могла такая торговля пройти мимо народа, знавшего, что в районе совершено ограбление и что украдено. А тут неизвестные подростки предлагают ценности, явно не принадлежащие им. «Да откуда же у мальчишек такая роскошь?..» – всякий прохожий думал при виде необычных продавцов.

Кто-то из жителей известил милицию. Арестовали ребят в этот же день. Сначала отпирались, говорили, якобы нашли, но под нажимом следователя сознались, отдали сумку с драгоценностями, рассказали, как всё происходило. После судебного разбирательства получили по два года колонии. Прощай беззаботная жизнь и свобода – впереди лагерь с исправительными работами и под надзором охраны.

На зоне и познакомился Тихон Груздев с Борисом Гребневым. Гребнев был осужден за бандитский налёт в сибирском городишке, групповая связка подельников, а потому и статью «пришили» серьёзную. Отсидел почти от звонка до звонка – за хорошее поведение выпустили досрочно. После освобождения приехал в Иркутск. Город огромный, на больших улицах и в суете людской как-то быстрее стали забываться пережитые неприятности. А тут случайно и встретились бывшие арестанты. Какая встреча! Неожиданная...

– Дядька, говоришь, на Ленские прииски зовёт, это хорошо. У меня же есть иная тяга – махнуть на магаданские прииски. Если желаешь, можем сигануть вместе.

– А кто у тебя там, в Магадане, родные или близкие?

– Нет у меня там никого, но есть один бродяга, вместе на нарах отдыхали. Ты его не знаешь, я ж ещё раз подсел за колючку, ненадолго, но загорать пришлось, там и скорефанились.

– Веришь, что он тебя ждёт?

– Ждёт. Недавно знать о себе дал. Сообщил, дела интересные есть, а надёжных людей нет.

– Что ж за дела? – спросил Тихон с любопытством.

– Ещё будучи на зоне гутарил он мне, якобы золотища там немерено, приисков тьма пруди, старателей по тайге много, кто группами, кто в одиночку копаются. Сечёшь, к чему клою?

Тихон задумался. Много историй он слышал об ограблениях старателей, их убийствах с целью завладеть добытым ими драгоценным металлом. Порой малая кубышка золота стоила им жизни, но этот одержимый народ копался всюду, промывал породу в надежде форта. Копались, и удача сопутствовала многим – золотой песок вызывал азарт, а если везло, находили и самородки, и тогда наступала эйфория. Чтoб не ограбили, пробирались по тайге путями редко хожеными, скрывались от недобрых глаз. Несли золото в приисковые кассы, а иные прятали в тайниках. Сколько золота оставалось лежать в кладах, если их хозяев лишали жизней? Много... Кто ж знает места тайников, коль они известны лишь тем, кто их закопал.

– На мокрое дело что-то не очень тянет, это ж души чело-

вечьи, от такого оборота тюрьма на всю катушку.

– Заладил: мокрое дело, тюрьма на всю катушку. Ты сразу на край смотришь, но я не об этом, о чём ты подумал. Не надо накручивать. Мы и сами с усами, надыбаем участок богатый, нароем столько золота, чтоб жить в малиннике и в шампанском купаться. Колымские россыпи фартовые, к тому же и клады пошерстить можно. Решай, в одной упряжке с тобой сподручно было бы, как-никак одну баланду хлебали, присмотрелись друг к другу.

– Надо подумать, – выждав паузу, ответил Тихон.

«Конечно, без образования, с запятнанным прошлым, где я найду себе подходящую работу? Грузчиком, как Борис, или дворником метлой по дорогам меж домами мусор подметать, много не заработаешь, а значит, и жизнь скудная. Прав Борька, жизнь она одна, как говорят: кто не рискует, тот не пьёт шампанского. А если подфартит, так и унынье с плеч сброшу. Где золото, там и деньги, и деньги немалые...» – рассуждал Груздев.

– Можно много размышлять! Пока думаешь, годы улетят, а времечко на месте не стоит, оно бежит, спешит впереди нас, не заметишь, как седой бородой об стол упрёшься. – Борис глянул в глаза собеседнику.

Встретившись взглядами, Тихон произнёс, словно выдавил из себя:

– Чего тут спорить, твоя правда, прозябать в трудах нищенских и быть в долгах как в шелках – такая перспектива

не по мне. Давай попробуем. Но только уговор: стоять один за одного, чтоб ни приключилось, и доверять во всё.

– Какой базар! – воскликнул Борис, обрадовавшись согласию Тихона. – Будем как одна сцепка, как братья! По рукам?

– По рукам, – Тихон протянул руку к руке Гребнева, крепко сжали ладони и обнялись.

– В ближайшие дни возьму расчёт, загодя обмозгуем, что да как, и тронемся, откладывать не будем...

Глава 2

Самолёт приземлился в аэропорту Магадана. Пассажиры по трапу сходили на землю, в багажном отсеке получили вещи. У Гребнева и Груздева было по одной сумке. Борис шёл к аэровокзалу в предвкушении встречи с бывшим сокамерником Захаром Хрусталёвым по прозвищу Хрящ. Почему он получил такую кличку, Борька никогда его не спрашивал. Тихон шагал рядом и тоже думал о человеке, которого знал Гребнев, – что за личность, каков характер?

Хрусталёв стоял на перроне аэровокзала в куртке и чёрного цвета штанах, на голове серая фетровая кепка, из-под козырька которой пристально разглядывал прибывших пассажиров, и тут среди них заметил знакомое лицо.

– Гребан! – воскликнул Хрусталёв, и бросился обниматься с Гребневым.

– Привет, Захар, привет! – ответил Борис и дружески пожал руку. – А ты чуток изменился – разжирел, гляжу, воля на пользу идёт, знать, жрёшь от пуза.

– Есть малёхо.

Груздев стоял рядом, ждал, когда же двое друзей обменяются любезностями. Тут Хрусталёв заметил молодого человека, стоявшего подле и молчавшего. Он понял, что этот спутник прибыл вместе с Гребневым, и удивлённо спросил:

– С тобой, что ли?

– Со мной, – ответил Борис. – Знакомься, мой брат Тихон.

– Ты ж говорил никого у тебя нет из родни.

– Не было, а теперь есть.

– Лады, потом разберёмся, – улыбнулся Хрусталёв и пожал руку Груздеву: – Будем знакомы, я Захар Хрусталёв, есть и прозвище – Хрящ, клич, как нравится.

Тихон назвал своё имя и фамилию, оставшись довольным весёлым характером нового знакомого. В Хряще было что-то подкупающее, притягательное, но что, Тихон понять не мог, главное, напарник Бориса ему понравился.

– Поехали ко мне на хату, а там и встречу обмоем и пошепчемся, – распорядился Хрусталёв, увлекая гостей за собой к стоянке частных извозчиков.

Ехали по городу и через окна машины разглядывали город, по дороге Гребнев предложил:

– Надо бы тормознуть у какой лавки, водочки купить и закусону.

– Не парься, всё есть, голодом томить не буду, – рассмеялся Хрусталёв.

Наконец «Москвич-401» остановился у небольшого дома, расположенного на окраине города. Здесь частный сектор, с усадьбами и небольшими огородами. Вышли из машины, Хрящ открыл калитку и пригласил:

– Заходи, братва!

Провёл во двор, отомкнул замок и широко открыл дверь.

– Прошу в моё скромное логово. Будьте как дома.

– Но не забывайте, что в гостях, – вставил Борис.

– Нет, Боря, тут ты не прав, наоборот, забудьте, что в гостях, и располагайтесь как дома.

– Коли так, тогда замётано. Хата-то твоя?

– Нет, одного кента, его уж в живых нет, на меня переписано.

Хрусталеv для встречи, вернее, для угощения друга подготовился основательно. Еды было всякой и впрок, и хорошо, что так, поскольку Гребнев прибыл не один.

На столе появились мясные и рыбные копчёности, солёния, отваренная картошка, предложил и приготовленную с утра уху. Расставил три стакана, разложил ложки и вилки, затем словно фокусник извлёк из холодильника пять бутылок пива и бутылку водки с наклейкой «Стрелецкая». Стекло на ней сразу покрылось лёгкой испариной, что придало алкогольному флакону своеобразную привлекательность.

Притомившиеся гости дальней дорогой и за сытный стол – это для них блаженство и упоение. Пили и ели со зверским аппетитом, пили и чай, меж тем и вели беседу. Говорили о былой жизни на зоне, о казусах и перипетиях человеческих судьбах, оказавшихся за колючей проволокой, вспоминали и о побегах эков, и кому удалось сбежать, а кого настигла кара.

Захмелев и расчувствовавшись, спели куплет из блатной лагерной песни «Мурка»:

Ночью было тихо, только ветер свищет,
А в малине собрался совет,
Все они бандиты, воры, хулиганы,
Выбирают свой авторитет...

Слова песни и воспоминания тронули нервы, и Гребнев не выдержал. Поддев на вилку очередной кусочек малосолевого хариуса, произнёс:

– Ай, хватит о былом. Расскажи лучше, чем сам живёшь-промышляешь, ведь не зря звал.

– Хочется думать не зря, – подтвердил Хрусталёв. Налил всем по четверть стакана водки, поднял свой стакан и призывал чокнуться:

– Мужики, дел интересных в этих краях столько, что двух жизней не хватит их разгрести, только мудро и толково по-решать всё надо, зря голову, куда не след, толкать не нужно и всё будет чики-пики. Выпьем же за нас!

Дружно сдвинули стаканы и опорожнили. Уже не первые дозы спиртного ударили в голову, все расслабились и, сытно отобедав, вышли на улицу освежиться. Закурили.

Гребнев затаился глубоко, медленно выпустил дым папиросы изо рта и поинтересовался:

– Какие ж виды имеются?

– Видов, Боря, море. Как там, у Маяковского: все работы хороши, выбирай на вкус.

– И всё же?

– Поясняю: много одиночек-старателей шастают по тай-

ге, роют закапушки, втихую золотишко моют. Дела творят незаконные, потому как на золотоносных ручьях, прячась от властей, копошатся. Легавые за имя охотятся, но от случая к случаю, не жить же им в лесах постоянно, где ж обзреть просторы таёжные.

– И?.. – Гребнев пристально взглянул на Хрусталёва, подталкивая говорить дальше.

– И тут поле непаханое – самим таким же делом заняться. Риск есть, но мы ж не лохи.

– Рой и бойся, загребут и... – заметил Груздев, хотя сказал так ради услышать что-либо убедительное и вселить уверенность в себя и Гребнева в успехе предложений Хрусталёва.

– Если в барабане пусто, – Захар пальцем постучал по своей голове, – то загребут. А мы народ битый, главное, чтоб нас алчба не давила, сами знаете, жадность фраеров всегда губит. Но есть и одно но.

– Что ж за но? – насторожился Гребнев.

– Особо не напрягайся. Бывает по тайге шастают и иной народ – лихие люди, вроде воронья, но куда круче промышляют – искусители грабежа.

– Кто ж таковые?

– Бывшие заключённые, освобождённые по амнистии благодаря товарищу Берия. Спасибо родненькому: среди этой братвы в откидон попали, а может, и сбежали, и отъявленные убийцы и бандюги. Им терять нечего, нападают уж с несколькими лет подряд даже на мелкие артели старателей, налёты от-

чаянные творят. Но в последние годы их крепко осадили, за-
тихли, и вылазки исподтишка лишь кое-где всплывают. По-
дозреваю, кто-то из них имеет связь с некоторыми мусора-
ми, поскольку больно вольготно ведут себя, ничего не боят-
ся, а те, видать, их покрывают и долю от них имеют. Вот та-
кие пироги, кенты.

– Даже так?

– Даже так, Боря. Конечно, за руки я с такими ментами не
здоровался, утверждать не буду, но слухи ходят.

– Дыма без огня не бывает. Вполне есть среди легашей
продажные шкуры, чуют и роют лёгкую добычу, карманы на-
бивают, приберут их леший.

– Ладно, хрен с ними. Просто в таком деле, если серьёзно
заниматься, следует быть настороже, с ушами на макушке. В
тайге встречи могут быть всякие, и стычек не избежать.

– Дело опасное, можно сказать наряду с промывкой поро-
ды на кон жизнь поставим, – засомневался Гребнев.

– Ставим, но такой кон больших свеч стоит.

– Хм... – хмыкнул Гребнев и промолвил: – При таком рас-
кладе оружие иметь надобно, без стволов и рыпаться нечего,
ведь всяко может обернуться, коли можем перехлестнуться
с лихими громилами. Купить ружья не помешало бы.

– Одна двустволка у меня имеется.

– С одним стволом не повоюешь. Не с голыми же руками
промыслом заниматься, а разговорами-уговорами бандитов
не угомонишь, те только силу уважают и то не всегда. Ещё

пару ружей купить нужно, это как пить дать.

– Продумано. Иначе и не звал бы тебя сюда. – Захар хитровато улыбнулся и полушёпотом произнёс: – Пара автоматов и один револьвер имеются с достатком патронов, так что есть чем страшить и постоять за себя.

– Ого! Откуда ж? – удивились гости.

– Долго рассказывать, главное: есть такая грозная потеха.

– В таком разе вопросов нет. Будем знать, не с пустыми руками барагозить придётся, – с удовлетворением отметил Гребнев, а захотев справить малую нужду, спросил: – Где у тебя дальняк? Отлить бы надо.

– В огороде за домом.

До туалета ходил и Тихон – пиво и чай дали о себе знать. А когда вернулись, хозяин двора тоже отлучился, облегчился и вновь пригласил гостей в дом. Тут и достал Хрусталёв из тайника подвала всё своё вооружение.

Тихон и Борис, попеременно беря в руки то одно, то другое оружие, восхищались им. В души вселилась уверенность, что оно и есть то подспорье, которое обеспечит им уверенно осуществить задуманное и оградит от неприятностей – устрасит вероятных грабителей, позволит отбиться, сохранит жизнь.

– Классно! Новьё, словно с завода! А не подведут? – уточнил Гребнев.

– Работают как часики, сам проверял. Стрелял в глухомани по мишеням, пули ложатся в яблочко.

– Что ж аппараты клёвые, с такой опорой и в бой идти не страшно. Колись, Захар, где нарыл всё это? – спросил Гребнев.

– Шёл, запнулся, гляжу, куча оружия, поднял и...

– Хватит пургу нести, – перебил Гребнев, его просто заедал интерес: где мог взять кореш боевое оружие?

– Был тут один земляк, бывший военный, каким-то образом с армейской части умыкнул всё это добро и схоронил. Говорил, мол, на всякий случай, вдруг пригодится или продать кому удастся. Но ни того ни другого не произошло. Как с колючки откинулся, я сразу хотел на Дальний Восток уехать, а тут с ним случайно перехлестнулись, с одного места родом мы с ним, у него и приземлился. Комнату мне дал, а вскоре он на моих глазах сдал – крепко болячка прихватила, кое в чём помогал ему, а чувствуя, что вот-вот кони кинет, признался об этом арсенале, рассказал, где спрятал, хату на меня переписал. Хороший мужик был, похоронил я его, а у самого и план образовался, коль оружие такое в руках оказалось.

– Наверняка со складов стащил, раз новёхонькие, – предположил Гребнев.

– В точку попал – со складских запасов, – подтвердил Хрусталёв. – Стволы нигде не засвечены, ни в каких замарашках не участвовали – чистые. Ну, ладно, налюбовались, – и хватит, всё на место. – Хрусталёв принялся складывать оружие, заворачивая его в промасленные тряпки. – Грозное оружие

это пока брать с собой не будем, всё же как на разведку едем, при людях неуместно держать его и прятать, достаточно одного ружья, хватит при надобности приструнить кого. Я тут справки кое-какие навёл и многое от людей слышал, так что злачные места мне ведомы, зря землю ковырять не будем. – Хрусталёв взглянул на собеседников и продолжал: – Тут до вашего приезда с одним бродягой заваруха вышла уж шибко корявая, чуть было жизни не лишился из-за золота.

– Чего так и к чему вдруг говоришь об этом, Захар? – насторожился Гребнев.

– Не напрягайся, так к теме вспомнил. – Хрусталёв достал папиросу, прикурил и присел к столу. – Некий Сухарь здесь проживал, кличка у него такая. Тихо жил, не совал нос, куда не попадая, а тут менты взяли его, так он оказался тот ещё орешек. Золота кучу нагрёб, а распорядиться не сумел – ума не хватило – где-то оступился, иль взболтнул кому по пьяни, язык-то он до Киева, говорят, доведёт. Вот к тому и говорю: с мозгами дружить в этаким деле надобно.

– Что с ним стряслось-то? – полюбопытствовал Груздев.

– Грабежом в последние годы и втихую занимался, как оказалось, вроде и неприметный сукин сын, а творил такое, что у местной братвы шары на лоб вылупились. Короче, изъяли у него оружие и двадцать кило золота. Следствие, суд – и закрыли этого гопника.

– Двадцать килограммов, ничего себе! – удивились в один голос Борис с Тихоном.

– Да, два десятка.

– Так это статья расстрельная, иль пожизненно дали?

– И то и другое.

– Как так?

– Вышку припаяли, а он в столицу в самые верха маляву написал о помиловании, дескать, если жизни не лишите, то пуд золота сдаст государству.

– Ничего себе Соловей-разбойник, это ж сколь старателей положить надобно было для богатства сумасшедшего, – закивал головой Тихон.

– Рассмотрели, видать, в Москве евоюю просьбу, сочли: пулю в лоб человеку пустить просто, а выгоднее будет добавку с него получить. Верхушка своим судом дело переиначило, и вынесли закрыть пожизненно.

– Ну, а как с пудом, отдал или нет?

– Вроде как отдал, иначе б дырку в голове проковыряли. Шестнадцать килограммов, по весу, как в аптеке. Но я так разумею: коль при таком базаре у этого Сухаря в загашнике куда более металла припрятано. Не прошло месяца – и ему вольную дали.

– Ого! Откупился, ну и жук, – то ли восхищаясь, то ли удивляясь, заметил Гребнев.

– Кто знает, что это ему станет, ещё не вечер – может и жизни лишиться, если опять впросак попадёт.

– Так не зря легавые, видать, отпустили, проследят и вынюхают запасы его, дорожку-то всё одно укажет, не сегодня,

так завтра – нужда заставит или иное что принудит, с золотом всё одно не сидел бы как курица на яйцах, покою-то оно не даёт. А тут уж как карта ляжет – или пан или пропал, – рассудил дальнейшее развитие событий Борис.

– Вполне так и есть, выпустили, чтоб выдоить подчистую, а там либо опять спрячут, либо в расход пустят. – Захар потушил окурок. – Всё, мужики, довольно балагурить, чай погоняем – и на сон грядущий, а завтра на свежую голову всё обсудим, без спешки и ладом.

Глава 3

На четвёртый день все трое покинули Магадан. Дом Хрусталёв закрыл, попросил соседа присмотреть за ним, сказал, мол, уезжает с друзьями на заработки, как вернётся, в долгу не останется. Через какого-то знакомого зафрахтовал ГАЗ-69, чтоб его с напарниками довели до посёлка Ягодное, пояснив: хотят присмотреться к тамошнему быту, глянуть, как добывают золото, да наняться на сезонную работу в какую-либо старательскую артель.

Шофёр газика оказался человеком старше среднего возраста, словоохотливый, тем более в Ягодном у него проживал двоюродный брат.

Друзья погрузили в машину свои вещи, сами устроились на сиденьях, и газик тронулся, взметая позади дорожную пыль. Хрусталёв сидел рядом с водителем, Гребнев и Груздев сзади.

– Как звать-то? – спросил Хрусталёв хозяина автомобиля.

– Даниил.

– Данил – истинно русское имя. Мне родители говорили: хотели тоже такое имя дать, но передумали и назвали Захаром.

– Не Данил, а Даниил, – водитель сделал ударение на два «и».

– Даниил так Даниил, будем знакомы. Моих напарников

зовут Борис и Тихон. А чем тебе так важно, что не Данил, а Даниил?

– По паспорту так, и имя дано родителями от библейского происхождения.

– Это как? – спросил Гребнев.

– По христианской вере Даниил – это очень почитаемый среди ветхозаветных пророков и имя моё относится к раннехристианским святым. Горжусь этим я и благодарен отцу с матерью, что нарекли так, оно мне и в жизни помогает.

– Каким же образом имя тебе помогает?

– Я православный, крещёный, каждую неделю в церковь хожу на службу, оно дух в теле поддерживает, от недугов и грешных помыслов ограждает. А вообще-то каким нарекли именем человека любого, оно праведный крест по земле нести обязывает, с пользой жить призывает. Скажу: любое имя несёт в себе знак какой-то и сила в нём заложена. Сила-то наша в чём? Правильно – в душе искренней и людской совести. А не будет того или иного, откуда ж силу нам брать, одни грехи окаянные лишь окружать станут, потому как Сатана не дремлет, всякого кто духом слаб, к искушению он того и тянет до себя.

– Вот ты говоришь, живёшь по совести. А много ли ты со своим убеждением добра нажил? Не купаешься же в роскоши, а вынужден баранку крутить, чтобы семью прокормить. И сам видишь: одному процветание, другому нищета.

– Каждому своё. Да, кручу баранку, но на хлеб хватает,

никого не обманул, никого не ограбил, табаком не балуюсь и водку не уважаю, а оттого и душа в покое, и это главное. Будешь труд уважать, не лениться, голодным не будешь, и по миру милостыню просить не придётся. Скажу вам: на земле жить с верой надобно, устойчивость веры должна быть в человеке, без веры жить никак нельзя. А искушение, каким злом или умыслом, – это грех великий, особо тяжкое, тянет оно человека вниз, ох, как тянет. А ежели их много и алчность в тебя вселилась, душу чейную загубил – почитай погибель.

– Ну, разве можно много иметь грехов? Вот меня возьми в пример, одна только тюрьма, так я срок отмотал положенный, а значит и грех смыл.

– Э, нет, мил человек, не смыл ты его. То ж покаяться перед батюшкой надобно, да и грехов, ежели начну перечислять, в тебе пальцев на руках не хватит.

– Куда там, скажешь тоже.

– Куришь?

– Курю.

– Водку потребляешь, в карты играешь, сквернословишь, обозвал дурным словом кого-либо?

– Бывает, а кто ж этого не делает.

– Во-от, – протянул Даниил, – списочек грехов-то и наполняется. А там, поди, молитвы не читаешь, с девками балуешь, пристрастия непристойные проявляешь, когда кого и обманул, оговорил, украл чего или без спросу взял, вот тебе

ещё грехов цельная куча.

– Люди многие так живут, и что из этого.

– Живут, грешат и не задумываются. А людям-то следовало пройти таинства причащения да исповедаться, а то ведь и не ведают, что вольно или невольно грешат против Бога, против ближних и самого себя, а опосля раскаиваются, да поздно. Ежели услышал меня, разумеи и думай.

«Вот же божий человек! Да-а, таких людей мало по земле ходит, всё больше норовят схитрить и умыкнуть что-либо. Можно сказать Даниил – экземпляр уникальный, прямо кристалл!» – подумал Гребнев и решил разговор перевести на иную тему.

– Ты, Даниил, расскажи лучше, что собой представляет посёлок Ягодное? Едем туда, а что и как там особо не в курсе. Бывал там ранее или впервой колёса туда гонишь?

– Как не бывал, бывал, и даже работал на грузовой машине несколько лет на строительстве села.

– Даже так.

– А то! Ох и стройка была, да посёлок и сейчас разрастается. Удачное место для поселения геологи и дорожных дел мастера выбрали. Стоит на ручье Ягодном – это приток речки Дебина. А густой лес кругом богат лиственными и хвойными деревьями, ягод видимо-невидимо. Никто не знает почто посёлку название дали такое, то ли что на ключе Ягодном стоит, то от обилия ягодников всяческих вокруг него по сопкам, но место дивное, привлекательное.

– Кто ж поселение строил это? – спросил Гребнев.

– Здесь как, кругом золото, все ключи и речушки песками золотоносными покрыты. Вот мы с вами, думаете, по чём едем?

– Ай да вопрос, по дороге, конечно, – отреагировал Гребнев.

– По золоту едем. Не в прямом смысле, а в том, если копать и промывать склон, по которому катим, то сколько-то золотин обязательно найдёшь. Вся Колыма богата золотом, вот и обживать люди стали края эти. Наёмные люди, что понаехали сюда и строили посёлок, для житья-то золотодобытчикам нужны избы. Опосля навезли заключённых с лагерей, те горбатились даром под приглядом. Лесу в округе хватает, приедете, сами увидите, тайга необъятная, сосны и лиственницы, словно для построек выросли. И дома есть и бараки, помещения общественные: баня, магазин и школа, в общем, для жития и отдыха всё есть. А вот поведаю, как местная власть с цингой боролась, не поверите. В тридцатые годы ж тут ни овощей, ни фруктов не было, не завозили, бездорожье и глухомань. Люди от цинги маялись, дёсны воспалялись, зубы расшатывались, ну и далее понятное дело – многие с зубами расставались. Так в конце тридцатых на Дебине фабрику витаминную поставили, вытяжку из хвои делали. И эту настойку заставляли пить всех, и вольных и невольных людей. Установка была строгая: в рабочей столовой обед не получишь, пока это самое лекарство не примешь. Я пил, а куда

деваться, напиток на вкус неприятный, но пользу приносил. Благодаря этому и челюсть свою сохранил, видите зубов полный рот и все свои. – Даниил раскрыл рот, продемонстрировав два ряда белых зубов. – Вот так. А когда мост построили через Дебин, тут уж и дорога стала постоянная, круглогодичная до Магадана. В это время я и работал на ЗИСе. Хороший автомобиль был, не капризный. А до этого только тяга лошадиная и была – конный двор большой содержали, под сотню голов, а может, и боле. Лошадей этих на стройке использовали, а больше на горных работах. На измор савраски работали, да и люди трудились, не разгибая спины. Начальство сверху требовало давать больше золота, а война началась, так в нём ещё боле потребность возникла. Ох, войну вспоминать, Боже ж ты мой, не дай Господь никому и никогда вновь испытать ужаса, народом выстраданного.

– Поговаривают, да и ты молвишь: край золотом богат. Вот и едем в артель какую устроиться или сами по себе старателями заделаемся, заработать за сезон, а там видно будет.

– Богат край, кто ж скажет нет. Поверьте мне: затянет вас старательское дело, и ездить будете сюда не один, а больше годов, а может, и всю оставшуюся жизнь, если поселитесь в Ягодном. Притягивает золото, будь оно неладно, к себе, словно медведя на пасеку.

– Много горных участков-то?

– Много, всех и не помню. И приисковые и старательские. Ранее было беспокойно из-за отморозков – заключённых из

числа убийц. Эти злодеи сильно злобствовали и горя людям нанесли в своё время немерено. Милиции работы хватало.

– А сейчас как?

– Ныне положение сменилось, реже случаи, с какими жуткими казусами выходят, но золото, поговаривают, частенько воруют, с участков выносят, да и у старателей меж собой стычки происходят – каждый норовит богаче участок ухватить или поделить намытый металл толком не могут. Бывают и извне кто на них налёт совершает. Всякое бывает. Ране такого насмотрелся и наслушался, мама моя родная, ни приведи Господь.

Глядя через стекло кабины газика и слушая водителя, Хрусталёв, Гребнев и Груздев с интересом рассматривали проплывающий пейзаж. Каждый думал свою думу. Тайга, глухая и неведомая, густые временами заросли деревьев и кустарника сменялись пролесками и полянами, проезжали ручьи, то поднимались на взгорки, то катили по спускам, порой каменистым, поросшие толстым слоем мха разного вида. Медвежий край, полный загадок и таинственности. Сколько ж тайн здесь покрыто мраком, сколько людских судеб загублено или сами загубившие себя, сколько крови пролито и проявлено жестокости из-за алчности со времён как ступила сюда нога человека?!

Несколько часов езды утомили пассажиров, однако усталость растворилась, когда наконец-то увидели первые строения посёлка Ягодное. Въехали в посёлок, и Даниил свернул

на широкий среди домов проезд.

– Это Центральная улица, можно сказать тутошний проспект. Ещё момент терпения – и доставлю вас к моему родственнику, он всех тут знает и вам поможет найти угол для жилья на первое время. А пока переночуем у него, я же утром отправлюсь в обратный путь, а вы уж тут сами разберётесь.

Глава 4

На следующий день утром, как и сказал Даниил, он выехал до Магадана, прихватив с собой пассажиров – семейную пару с ребёнком, собиравшихся далее вылететь самолётом до Хабаровска. То есть обратная ездка у него оказалась с «наваром». Что ж взвоз в этих краях дело выгодное, и этим ремеслом Даниил занимался уже несколько лет подряд, как приобрёл желанный ГАЗ-69, и такая работа его устраивала. Следует пояснить, газик новенький, но пришёл с завода с дефектом в двигателе, и его решили продать кому-либо из местных работников. Даниил был на хорошем счету – честный и работающий, безотказный и ответственный. Узнав, что машину хотят реализовать, он обратился к начальству с просьбой продать ему. Не отказали. Приложил руки и умение и машину оживил себе на радость. Кого только ни возил за эти годы, порой вспоминает, а по спине холодок проходит.

Выпало как-то возвращаться с Ягодного в ночь. Ехал один. Вдруг фары осветили сосну, лежавшую поперёк дороги. Подумал: повалило ветром или свалило грозой. Вышел из машины, подошёл к дереву оттащить его в сторону. Только нагнулся, как услышал за спиной лёгкий хруст сухой ветки. «Медведь!» – мелькнуло в голове. Но тут ощутил на затылке прикосновение холодного металла. Это был ствол обреза, и сразу раздался повелительный голос: «Убирай с пути

лесину и быстро за баранку!» Ноги будто подкосились, потерял дар речи и обомлел. «Ты чего, глухой? А ну пошевеливайся!» Объятое страхом тело сделалось ватным, слушалось с трудом. Убрал с дороги дерево, направился к машине. Видит тот, кто наставлял на него оружие не один, с ним ещё двое. Незнакомцы не местные, не приисковые и одеты в арестантскую одежду. «Беглые!» – догадался Даниил. «Убьют и заберут машину...» И тут снова этот же зэк спрашивает: «Мужик, хочешь жить?» – «А кто ж не хочет?» – дрожащими губами ответил Даниил и перекрестился. «Так вот седай за руль и гони свою лошадку до Магадана. Если кто будет останавливать, гони дальше. Остановишься или намёк кому встречному дашь, считай, пропал. В своём или казённом доме живёшь?» – «В частном, с огородиком, с женой и ребёночком», – ответил Даниил. «Это хорошо. Довезёшь до своей хаты, одежонку нам подходящую дашь – прикинуться достойно и пожрать. Хрусты и ценности, какие есть выдашь, спички, табак». – «Какие ещё хрусты?» – спросил Даниил. Старший из них ухмыльнулся: «Деньги, дурень!» Затем без усмешки продолжал требовать: «Потом выкатишь нас за город. Всё складно сделаешь, останешься жить. Всё усёк?» Ответил: «Понял, чего ж не понять». Даниил всё так и сделал, как наказали беглые, а куда же деваться. Когда же вывез переодетых и накормленных арестантов за город, те, не сказав ни спасибо и не попрощавшись, скрылись в придорожном лесу. Ехал и боялся: «Убьют, зачем им свидетель, машину

угонят и бросят...» Но, к счастью, так не случилось, оставили в живых. Прежде чем лагерников поглотила тайга, один из них зло бросил: «Помни: взболтнёшь, найдём – перо меж рёбер вставим и дом сожжём!» Что было на это ответить? В милицию заявлять Даниил не пошёл, хотя по радио объявляли и не раз о сбежавших из зоны группы заключённых – на кону стояла жизнь всего семейства и крова, построенного своими руками...

Были и иные случаи, доводившие до страха, но Бог и крест Его животворящий отводил от бед, а жена всё уговаривала: брось ты это занятие, мало ль в дороге, что может приключиться, всякий народ на пути попадает, и денег этих не захочешь, а нам сына Ваньку на ноги поднимать надобно. Даниил же на это ничего не отвечал, отмалчивался. Прикипел он к профессии самодеятельного таксиста, кабина машины стала для него как второй дом родной, с собой возил сухари, консервы, заварку, котелок, кружку, ложку, так что на трассе его врасплох невозможно взять было – всегда есть чего перекусить и чаю горячего выпить.

Глава 5

Двоюродный брат Даниила – Арсений Суворов трудился на прииске почти с начала его основания, плотничал, столярничал. Слыл в посёлке хорошим мастеровым. С женой вырастили дочь, больше детей не было – не дал Бог. Дочь после окончания школы отправили учиться в институт на медика, с малолетства мечтала о профессии врача, а родители не возражали, считая, раз к душе врачевание, так тому и быть – пусть занимается.

Утром за завтраком Арсений угощал постояльцев, к ним приглядывался. Вчера ночью некогда было их рассматривать, жена определила им место на ночлег и сами с Марией отошли ко сну.

– А ты, Арсений, уж не родственник ли полководцу Суворову? Фамилия-то громкая, – наседая на макароны с мясом, спросил Хрусталёв.

– Нет, не родственник, – рассмеялся Арсений и, в свою очередь, полюбопытствовал: – Если секретов нет, куда устраиваться наметили, в прииск или в старатели подадитесь?

– Поможешь снять у кого комнату, а там осмотримся, поглядим, поспрошаем, – ответил Борис, продолжая с аппетитом есть. – А что бы ты посоветовал? Ведь не первый год здесь небо коптишь.

– Чего я могу вам насоветовать? Коли профессий нет, на

прииске простыми работягами оформить могут.

– Это кем?

– А кем угодно. Разнорабочие везде нужны и в посёлке и на горных работах. К примеру, поставить могут на промысловые шлюзы породу ворошить, шурфы копать, в такелажники определить, работы хватает.

– Вообще-то имеются мысли самим покопаться.

– Сами по себе?

– Сами, втроём.

– Это можно. На прииске старание приветствуется. Договор с вами заключат, участок определят, – и копайте себе на здоровье. Но что нароете, всё государству надобно будет сдавать в приисковую золотоприёмную кассу.

– А ещё как иначе можно?

– Можно и самим с позволенья властей в поиски кинуться, бродить искать злачные места, но намытый металл всё одно сдавать прииску обязаны. Умыкнул ежели кто, хищением считается, а тут тюрьмой пахнет. Сколь тут случаев было до вас – уйма, не перескажешь. Воруют золото и в одиночку и хором, кого словили, тех казённый дом дожидается – стены тюремные, а иных до расстрела доводят.

– Нет, вышка нас не устраивает. Нам подзаработать – и всё тут.

– В конторе приисковой появитесь, там вам всё обскажут. Ранее-то старанием занимались?

– Нет, дело для нас новое, а освоить немудрено.

– Мудрено-немудрено, а вам следовало бы побывать в какой-либо старательской артели, присмотреться, каким образом породу копают, как промывают, как доводку металла делают. Одним словом, процесс изучить, а уж опосля и заниматься. За пример, можно попроситься на своего рода экскурсию в артель Артамонова. Гремит артель – золото прёт, деньги хорошие получают. Артамонов мне всегда заказы даёт: бутары сколотить, лотки промывочные выдолбить, скребки и лопаты с кайлами насадить – это мне не в тягость и приработок на дому даёт, с оплатой никогда не обманывал.

– А вот в инструментах и приспособлениях поможешь нам, раз речь зашла? – спросил Хрусталёв, взявшись за стакан с чаем.

– Отчего не помочь, помогу. Брат уезжая попросил помочь вам, ему в просьбах никогда не отказываю. Бутару сделаю малую, переносную, она вам будет сподручна – перетаскивай, куда пожелаете. Лоток дам, даже пару выдам, имеются готовые, из кедра выдалбливаю. Кайлы, лопаты есть, трафареты для бутары в прииске купить можно или в артели попросить. А чтоб на себе тяжести не таскать, лошадь в аренду возьмёте, а может, и частника какого прихватите с собственной лошадкой, таких желающих можно в посёлке найти, есть охочие подзаработать.

– Спасибо за советы, Арсений, а за инструменты расплатимся с тобой по окончании сезона, в этом не сомневайся, – заверил Хрусталёв.

– Чего мне сомневаться? Заработаете – рассчитаетесь, не заработаете – в долгу останетесь, – рассмеялся Суворов.

Глава 6

Снимать угол друзьям не пришлось. При своём доме Арсений им выделил пристрой и пообещал свести с управленцами прииска, чтобы помогли определиться с участком добычи, составить нужные разрешительные бумаги.

В этот же день явились в прииск. Сухонький на вид и с коротенькой бородкой горный инженер потребовал паспорта, расспросил, откуда прибыли, имеют ли навык в ведении добычных работ. А как выяснил всё, что его интересовало, предложил:

– А не желаете поработать во вновь образованной артели? Человек людей подбирает, может, и вы ему подойдёте.

Друзья переглянулись. Дело стоящее, с нуля не надо начинать, опыта набраться, а там уже и самим, как задумали. Рассудили так и согласились. Инженер подсказал, где найти председателя организованной артели.

Им оказался местный житель Макар Романович Лосев, содержавший двух лошадей, имевший в усадьбе телегу, сани и разную конную утварь, а главное, он владел опытом в поисках и разработке месторождений. Закончив учебное заведение по горному делу, отслужил в армии, демобилизовался и работал некоторое время мастером на одном из добычных участков в Якутии, потом в артели старателей на Алдане, вот знания этикие ему и достались от практики на золотых при-

исках. Пять сезонов не прошли для него даром – кое-какие накопления сделал и покинул суровый край Якутии. Но и переехал не в менее тёплые места – в соседнюю Магаданскую область. В областном центре оставаться не стал, а приглянулся ему посёлок с красивым названием – Ягодное. Здесь со своим семейством и обосновались. Сынишка в школу пошёл, супруга в общепит устроилась. Выглядел Лосев человеком brutальным, мужественным, уверенным, знающим чего хочет. В артели старателей отработал один год, и задумка появилась – сколотить свою бригаду, сила и желание есть, возможности – вот они, почему и пристало ему с личного хозяйства начать. Купил лошадей, инвентарь, начал к людям присматриваться к таким, чтоб не вольничали и работающими были. Участок за собой ещё с прошлой осени присмотрел, обговорил с прииском цену за металл, подписал договор.

Нашли усадьбу Лосева быстро – Арсений знал, где он живёт. Подошли. Во дворе залаяла собака, грозная серая по масти, смахивала на волка, из конуры вылез и небольшой щенок, он тоже огрызнулся несколько раз и настороженно разглядывал пришлых. На лай вышла из дому женщина, а глянув, что у калитки незнакомые мужики, вернулась, после чего появился хозяин и прикрикнул на пса:

– Замолчи, Гром, успокойся! – Пёс недовольно рыкнул и присел на задние лапы у конуры, тихо и злобно урчал, глядя на пришельцев.

Лосев подошёл, поприветствовал незнакомцев через огра-

ду, не открывая калитку спросил:

– Чего хочет народ?

Суворов, будучи знакомым с Макаром, вкратце пояснил, откуда люди, что с ним пришли, чего хотят, и не пожелал ли он принять их в артель на старание. Лосев открыл калитку и пригласил во двор. Познакомились, каждый назвавшись своим именем. Присели на лавочку у дома, стали вести разговор. Из беседы Лосев понял, что тройка друзей – бывшие осужденные. С такой категорией граждан ему приходилось общаться и даже работать в Якутии на одном прииске. Люди были с разным нравом – встречались анархичные и буйные, чуть что за нож хватались. Но эти ему приглянулись, внутреннее чутьё подсказывало – с ними дело иметь можно.

– Добро, – подытожил итог разговору Лосев. – Беру! Но, мужики, помните, работать на совесть и от трудностей не ныть и, если выразаться на вашем былом жаргоне, не отлынивать и не крысятничать. Не думайте, что лопатами поковыряли породу и сразу накопили кучу золота, такого не бывает. Участок вроде стоящий, с хорошим содержанием, но само золото в руки не сыплется, оно тяжким трудом достаётся.

– Далёко добираться? – осведомился Гребнев.

– На себе груз тащить не придётся, лошадей запряжём, сами пешим ходом, за полтора дня доберёмся. Этот участок оставлен прииском, горняков перекинули на другой, более богатый. Работы велись гидравликой, оставлены сплот-

ки, две стационарные бутары, несколько тачек имеется, а вот кирки, лопаты, скребки и лотки свои брать придётся.

– А с жильём как?

– Проблем не будет. Пять срубов и баня стоят, даже погреб-ледник имеется.

– Так за всё это аренду платить придётся? – уточнил Хрусталёв.

– Не придётся. С начальством договорились вместо аренды перечисленного вроде как за охрану имущества зачёт пойдёт. Им важно обеспечить его сохранность и чтоб свои золотишники породу не мыли. Года два-три прииск сюда соваться не будут, так что если дело у нас пойдёт – есть где развернуться. Прибудем на место, сменим двух приисковых сторожей, они в посёлок вернутся, а мы займёмся устройством быта и работой.

Лосев решил не нанимать в артель больше никого, ни к чему иметь излишние кадры, кто знает: как пойдёт промывка, подтвердятся ли запасы? Отработать сезон, а там по факту и расклад сам ляжет. Если золото покажет достаток, то и людей в следующий сезон добавить можно. Хотя геологи заверили, мол, борта добычного забоя, оставленного прииском, промышленные и показали план разведочных работ с данными проб в скважинах буровой линии. Дали и выкопировку плана горных работ с результатами опробования.

Глава 7

Две лошади размеренно шли лесной дорогой. Одна запряжена в телегу, вторая навьючена грузом. Рядом бежала и собака Лосева – кобель Гром. Макар решил взять его с собой – хватит бездельничать, пусть сезон в тайге поживёт, охранником поработает. Пёс то забегал вперёд, то отвлекался в сторону от дороги, на кого-то лаял в кустах, отставал, потом снова догонял и снова бежал по дороге. Выючную лошадь за узду вёл Лосев, та, что с телегой шла следом. В телеге вещи путников, продукты и потребный хозяйственный скарб. Хрусталёв, Гребнев и Груздев шагали позади, обсуждали предстоящие дела, а больше разглядывали таёжные достопримечательности.

Какие же стройные красивые ели, они вроде и похожи одна на другую, но всё ж неодинаковые, каждая по-своему выглядит. Пушистые и стройные, высокие и средние, иные с густыми лапами, другие неказистые с опущенными ветками, есть макушки редкие, другие полные и симметричные. Много и молодой поросли, они словно ребятишки в окружении взрослых деревьев. Вперемешку поднялись берёзы, а в пути следования на сопках их сменила осина и кустарниковая растительность. При дороге часто попадает брусничник, много кустов голубики и багульника. Какой от него исходит аромат! Этим ароматом воздух вроде как заполнен настолько,

что перебивает запах хвои. Цветки багульника уже распустились, но не везде и не в полную силу, но уже видны, где белые, где светло-розовые оттенки его красок. Чего хотите, на дворе май, а в конце месяца он возьмёт силу повсеместно и разнесёт по тайге свои одурманивающие запахи.

В дороге останавливались, кипятили в котелке чай, перекусывали и трогались дальше. А когда солнце склонилось к горизонту, Лосев заторопил своих спутников:

– Шире шаг, мужики. Надо бы до темноты успеть дойти до заезжки – избушка лесников, там и переночуем.

Ход ускорили, и вскоре показалась таёжная изба, похожая на охотничье зимовье, но по виду гораздо большего размера и добротная, сделана из среднего диаметра сосны, нижние два венца – из лиственницы. Древесина ошкурена и со временем уже давно потеряла свой первозданный вид – поверхность потемнела, появились разошедшиеся трещины, особо на спилах в торцах. Подле избы под навесом стол на крестообразных ножках, по обе стороны стола лавки. Было видно, что здесь давно не было людей. Дверь подпёрта палкой и закрыта примитивной вертушкой.

Сняли с лошадей упряжь, освободили от тяжестей и оставили на длинном поводке, достаточном, чтоб могли питаться травой и при надобности лечь. Травы – молодой поросли у избы было достаточно, но всё же нарвали ещё две небольшие охапки и положили подле них. Утомлённые кони принялись жевать корм, порой переминаясь на натруженных конечно-

стях, как бы сбрасывая с себя усталость.

Пока Лосев занимался с лошадьми, остальные не отлынивали – кто затоплял печь, кто готовил крупу, чтобы сварить кашу, открывал тушёнку, поставили на печь котелок с водой. Благо рядом с избушкой протекал маленький ключик, он мягко журчал, перекачиваясь по камушкам, и бежал дальше, теряясь в зарослях и спеша к подножию сопки. Неслучайно выбрано место для избушки – вода близко, на пригорке посреди поляны в окружении кедрача. Вероятно, по осени, когда шишка созревает, хозяева заимки занимаются сбором кедровых и стланиковых шишек, получают орех. Свидетельством чему служила самодельная шелушильная машинка под крышей избы.

Обжились быстро, в избе навели порядок, поели наспех приготовленную еду, а отужинав и накормив собаку, улеглись спать.

– Надо же в такой глуши и изба пригодная для жизни, – удивлялся Гребнев, поправляя на себе телогрейку.

– Построили егеря и лесники для себя, бывает, охотники ею пользуются, но когда хозяев нет или с их позволения, – пояснил Лосев. – Я ведь до этого в Якутии работал, а кроме золотодобычи три года подряд охотничьим промыслом занимался – по договору со зверопромхозом заготавливал пушнину, рыбу и дикое мясо. Два зимовья своими руками построил и оставил их людям. А окончательно обжился здесь – на Колыме.

– Ну, Макар, ты даёшь, сюда людей ссылают, а он сам себя вроде приговорил, – усмехнулся Гребнев.

– Почему приговорил, природа приворожила. Я так своей жене и сказал: поехали, Елена, туда, где Макар овец не пас, – рассмеялся Лосев.

– Меха денег стоят, почто ж забросил такое доходное ремесло? – спросил Хрусталёв.

– Год на год не приходился, да и понял – не моё это, не моё, к тому же начальство вроде как недовольство проявляло, что от основной работы отвлекался – брал дополнительные отпуска без оплаты. Не прикипел я к охотничьему и рыболовному занятию. Теперь только в охотку за зверем и за рыбой в тайгу хожу. Идём золото добывать, а ружьё с собой прихватил, снасти кое-какие по мелочи, тайга богатая, на пропитание меж делами чего добудем.

Хрусталёв со своими напарниками уснули, послышалось сопение, а кто-то из них и негромко храпел. «Намаялись с непривычки, отмотали-то прилично километров», – подумалось Лосеву.

А вновь вспомнив о своих былых таёжных заготовительных промыслах, у него в голове всплыл случай, приключившийся однажды с ним – жуткий и чуть было не погубивший его...

Костёр погас. Затухали последние светлячки на тлевших головёшках. Прильнув лицом к умирающему таёжному оча-

гу, Макар изо всех сил дул на угольки, стараясь извлечь искру, возродить желанный огонь. Но еле тлеющие светлячки не оживали, они один за другим тухли, исчезали. А вместе с этим гасли и надежды Макара обрести потребные искры и живительное пламя.

Этот костёр ещё горел утром, когда Макар в котелке кипятил воду. Снял с огня котелок и бросил в него немного заварки. Свежий чай Макар пил, наслаждаясь, он чуть обжигал губы, прогонял остатки сна. Это блаженство, когда, сидя у костра, охотник в предвкушении удачного дня, неспешно пьёт ароматный напиток, при этом любитесь дикой природой, ощущая её восхитительное окружение.

Сегодня Макар встал раньше, нужно было позавтракать и сразу отправиться проверить капканы. Соболь нынче не шибко-то попадался, меньше стало его в охотничьем уголье – шишка и ягода не уродились, а потому и ушёл. Ушёл в другие урочища. Но всё же нет-нет да попадался, не весь ушёл, было чем, знать, кормиться – мыши-полёвки, белки, куропатки и всякая мелочь в лесу имелись. Первый сезон стал таким неудачным, но Макар верил: пушнину всё же добудет, а в следующем сезоне год будет урожайным и соболь придёт.

В зимовье, построенном Макаром в своём охотничьем уголье вдали от рабочего посёлка золотодобытчиков, разводить огонь не стал, хотелось на улице, на тагане – быстрее, да и чай, приготовленный на костре, получается вроде как вкуснее, запашистее.

Погода выдалась солнечная, а морозец умеренный, что позволяло таёжному человеку удовлетворить своё желание – испить чаю у костра, взбодриться перед выходом на путики.

Капканы на соболя расставлены на противоположной стороне речки, а потому и путь проходил через её русло. Речка подо льдом, но кое-где видны пустоты и наледи. Макар решил сократить дорогу, пройдя по краю наледи. Знал: это лишь внешняя мокрота речки, выдавленная водой на поверхность ледового покрова, и потому в меховых сапогах без опаски обходил залитые участки.

Но недалеко от берега вдруг провалился по грудь. Подземный тёплый ключ устроил здесь подвох – уменьшил толщину льда, оттого лёд и проломился под тяжестью человека. Тело сразу обожгла ледяная вода. Забарахтался, энергично помогая себе руками и ногами. Макар всеми силами старался выкарабкаться из ужасной промоины, но раз до самого горла окунулся, ноги чуть дна коснулись – улова в этих местах глубокие. Рюкзак, что висел на левом плече, мешал, тянул вниз, был тяжёл из-за капканов, пришлось скинуть его, и ноша тотчас ушла меж разрушенного льда на дно улова, двигаться стало свободнее. Ружьё было в руках, Макар, когда провалился, изловчился снять с правого плеча, и теперь с его помощью помогал себе зацепиться, найти опору на поверхности льда.

Кромки промоины ломались, но всё ж наконец-таки с трудом Макар выбрался из воды. Выглядел жалко: с ног до го-

ловы мокрый, одежда от мороза мгновенно взялась коробом, тело быстро растрачивало своё тепло, шапку и ту подмочил, а потому Макар стал подмерзать. А тут и мороз как на грех начал крепчать.

«Вот же напасть какая. К избушке надо идти, иначе в момент застыну, – сетовал он, чувствуя, как мороз добирается до нутра. – Дойти, обогреться, обсохнуть, иначе простыну и воспаление подхвачу. Только бы не замёрзнуть...»

Сейчас было не до соболей, мысли витали только о спасении: добраться до зимовья, развести огонь. С невероятными трудностями Макар передвигал ноги. Намокшая одежда застыла, она, словно побывавшая в цементном растворе, стала твёрдой и от движений в местах складок ломалась. Это приводило в уныние, но Макар особо не отчаивался, себя подбадривал, настраивал на лучшее.

Измотанный изнурительной ходьбой в обледеневшей одежде, он добрался до таёжного крова. «Огонь, огонь, быстрее огонь... – работали мысли, и тут сознание переключилось: – Спички! Они у меня были в рюкзаке! Это же последний коробок спичек, который забрал я с собой! Чем разведу огонь? Да это же конец...» – от последней мысли его душа ещё более похолодела. Запасных спичек в избушке не было. Он знал это, да и собирался завтра на лыжах выходить из тайги до посёлка, а с возвращением сюда через неделю планировал прихватить чай, несколько коробушек со спичками и восковые свечи да сухарей с вяленным мясом.

Макар начал прощупывать пол в зимовье в надежде найти, хотя бы одну спичку, может, ранее обронённую им или кем-либо из случайно забредших сюда охотников, пусть сломанную, лишь бы была с целой зажигательной головкой. Но тщетно – кроме использованных обгоревших спичек, валявшихся на полу, ничего не обнаружил.

«Околею... Конец... Какие страшные слова...» – с горечью подумал Макар и до боли сжал кулаки.

В эту минуту пронеслась вся его жизнь сызмальства. Родившись в далёком сибирском посёлке, жил с отцом и матерью, трудившимися на объектах золотодобычи. Глухой урман окружал рабочий посёлок. Детский сад, школа, заочно окончил горный техникум, приобрел профессию горного техника и устроился на работу мастером драги. Работа нравилась, и ею дорожил, но его ещё и прельщала тайга – скрадывать диких животных, ловить пушного зверя, ловить рыбу.

Макар не раз бывал вместе с отцом в стойбищах якутов, видел их простецкий быт и как они выделывали шкуры копытных и пушных зверей качественно, хотя и примитивным способом. Отец говорил: якуты народ безобидный, и поучиться у них есть чему. Покупали у якутов оленину и на своём газике везли домой. Якуты в продаже не отказывали приискателям, ведь олени стада большие, самим сверх меры хватало, а от продажи получали деньги, а на них приобретали одежду и продукты, от сдачи же заготавливаемого ди-

кого мяса, рыбы и пушнины получали оружие и боеприпасы, снасти.

Женился Макар в двадцать три года. Тут же в посёлке девушка Елена приглянулась, родители его выбору были рады, а как мальчик родился, так радости в двойне добавилось. Ну как же – наследник! А нарекли его Иваном, в честь деда, так предложила мать. Свекровь умывала водой со слабым раствором марганцовки новорождённого внука и что-то ласково про себя приговаривала и меж делом поучала невестку, как держать малыша при купании, как пеленать. Елена прислушивалась, вникала в столь новую для неё заботу. Будучи подростком, Макар слушал своего деда и отца, когда те его учили охотничьим хитростям, какие целебные травы растут, когда их следует собирать, от каких болезней использовать, помогал матери и бабушке собирать лесные ягоды, заготавливать дрова. Дед часто говорил: будешь беречь тайгу, будешь всегда и сытым и здоровым. Как-то раз Макар с отцом оказались свидетелями возгорания леса. Сухие грозы метали молнии и концами своих огненных стрел воспламенили сухостой и траву. Только что возникший очаг вцепился своими лапами в растительность, тушили огонь около трёх часов и одолели его. Какова же гордость тогда охватила Макара за победу над стихией – не дали ей разбуяниться, отвели беду от тайги и от посёлка. А огню что, только волю дай, вмиг подхваченный ветром, разнесётся вширь, сжигая всё на своём пути. Врезался в память и случай встречи с медведем.

Произошло это осенью. Бурый упитанный гигант пристально смотрел на Макара, и где ж было угадать, о чём думал в этот момент зверь, каковы были его намерения? Макар же больше из любопытства разглядывал таёжного хозяина, страх появился потом, когда косолапый, рыкнув, развернулся и удалился прочь. Да и то, это был скорее не страх, а неведомое доселе волнение. Срубить дерево или сломать ветку без надобности или безделицы – всего этого Макар, следуя наказам старших, себе не позволял. Выросший в суровых климатических условиях, познавший азы людского бытия, он впитал в себя те качества, которые присущи настоящим мужчинам – не ныл от трудностей, терпел неудачи, успехам же радовался сдержанно и не бахвалясь.

«Нет-нет, надо что-то придумать, иначе... – Макара охватило отчаяние. – А что я придумую? Что? Ни зажигалки, ни спичек. Попал, ох, и попал же...» – мысли работали напряжённо, искали выход из сложившейся ситуации.

И сейчас, склонившись над утрешним костром, Макар разгребал золу и пытался извлечь искру, но всё безуспешно. Последние светлячки погасли... «О, дьявол!» – в сердцах бросил он.

Обступивший со всех сторон холод одолевал Макара всё большим наступлением. Поверхность тела, потеряв тепло, была предоставлена заледеневшей одежде и морозу. Макар, остывая, размышлял: «Нужно либо интенсивно двигаться, либо что-то придумать с огнём. Но и только двигаться, это

тоже не выход – в конце концов, всё равно будешь обречён, ведь я в мокрой промороженной одежде и переодеться не во что. Нужен огонь! Только огонь!..» И тут его осенила идея: «А что если как первобытные люди извлечь огонь? Ведь без спичек добывали, с помощью кремня и сухих палочек. Да что там первобытные, и в современном мире история знает случаи, когда люди оказывались один на один в необитаемых местах, без средств получения огня, но получали же его и выживали. Кремня у меня нет, но есть сухие дрова и палки-коротыши от веток деревьев, хворост, всякая сухая мелочь. Вот моё спасение! – рассуждал Макар. – Да, эта затея малоперспективная, но она единственная, которая может мне помочь, нужно лишь усердие, и всё получится. Получится! Обязательно получится!.. Только не стоять, действовать!..»

От бывалых таёжников как-то слышал, как устраиваются труты, каким образом люди без спичек получали огонь. Способ простой, не требовавший особых навыков и конструкций. Нужны лишь подручные кое-какие сухие материалы, упорство и терпение.

От вблизи стоявшей берёзы содрал тонкий трепещущий на ветру кусочек бересты и зашёл в зимовье. Взяв лежавшую при входе толстую из кедра разделочную доску, Макар решил приспособить её под трут. Ножом выбрал достаточное углубление. У остывшего очага лежали сухие дрова. Подобрал подходящую по диаметру хворостину, он оледеневши-

ми пальцами ножом срезал сучки и неровности на её поверхности, сделал гладкой. Подправил один торец, которым нужно будет упираться в трут. Палка для трута была готова.

У основания избушки торчал мох, служивший утеплителем. Отщипнул сухого мха, затем расслоил бересту ещё тоньше, размельчил и всё это аккуратно сложил в трут. Сюда же добавил и самую тончайшую струганную из-под ножа стружку. Усевшись на корточки, Макар упёр палку в трут, ногами же прижал кедровую доску с трутом и начал катать палку меж ладонями.

Его устремления и неистовое вращение вокруг оси палки-буравчика позволили на некоторое время как бы забыть о холоде. Ладони стали нагреваться, передавали своё тепло на руки, а надежда на успех получить искру придавала уверенность в осуществлении задуманного.

Макар понимал: получить желанное возгорание – это дело длительное и потребует от него настойчивости и много усилия. Дело кропотливое, но вынужденное, необходимое. «Сотру ладони до костей, но буду вращать! Мне ничего, кроме вращения этой палки, не поможет. Если пойду пешком из тайги в таком состоянии, это верная погибель – околею... Отсюда до посёлка примерно сорок пять километров, это ж шагать целый день, да ещё в ночь и по бурелому, нет, не осилю...» – размышлял Макар. Такие мысли его не пугали, а больше призывали: «Надо вращать, вращать, вращать!»

Уже около полутора часов Макар крутил заветную палку,

смотрел непрерывно на трут. Палка натёрла мозоли на ладонях, стало жечь пальцы. Преодолевая боль, он продолжал работать. Остановиться – значит прекратить процесс нагревания, и тогда трут сразу остынет, и надо будет тереть снова. «Буду вращать, пока не умру! Вращать до конца, пока жив! Не останавливаться ни на миг! Работать! Работать!..» – терпя жгучую боль, твердил Макар. От напряжения заныли руки и предплечья, занемела поясница, ноги отекали и замёрзли, но вращение своеобразного буравчика он не прекращал ни на секунду.

«Да сколько же крутить это веретено? Должно уж два часа верчу, а толку...» – удручённо сокрушался Макар, но продолжал с упорством своё дело.

Прошло ещё сколько-то времени, и тут он увидел, как трут наконец-таки ожил – появился слабый дымок, тоненький и колыхался, словно от брошенного не затушенного окурка сигареты. Макар остервенело, с ещё большим усердием принялся вращать палку. Дымок усилился, затлела тонкая береста и мох, и тут сухой материал воспламенился, взялся маленьким огоньком. Душа возликовала!

Осторожно, чтобы не уронить трут и не угасло возгорание, дрожащими руками Макар приблизил трут к губам, легонько подул, отчего родившийся огонёк ожил, и он поднёс его ближе к печке. Кровоточащими пальцами переместил в топку воспламенившуюся стружку к загодя приготовленной бересте с тонким сухим хворостом. Огонёк лизнул бересту,

она взялась небольшим пламенем, и огонь начал хватать сухой хворост. Он разрастался, набирал силу, и уже можно было подкинуть настроганные лучины и ломаные ветки.

– Есть! Я получил огонь! Получил!! – вырвался из глотки Макара охвативший восторг. Умиротворённая тайга, окружавшая зимовье, от его крика как встрепенулась – голос эхом отозвался в распадке. Можно было подумать, это зарычал раненый зверь, отчего таёжная живность, вероятно, насторожилась. Макар ликовал, не ощущая холода в теле и боли на ладонях от содранной кожи, он видел перед собой родившийся очаг, ощущал его тепло и живительную силу.

Дрова в печурке трещали от огня, он дышал жаром. Зимовье наполнилось благотворным теплом и обрело уют. Макар разделся, развешал одежду, накинул на плечи кусок старой оленей шкуры, что лежала на лежанке, присел к печке. В блаженстве от охватившей его теплыни, он смотрел на пламя, на свои руки, думал.

Сколько же раз он растоплял печь в доме, в котором проживал с семейством и в зимовье угождая, разводил костёр в тайге, но ни разу не задумывался об огне. Это естественная потребность человека и она обыденна и повседневна. И что над этим задумываться? Только в эти минуты он по-особому осознал цену огня, его горячий трепет и нежность.

«Каков же он желанный, радуется искрами и пламенем, как приятно глядеть на него и чувствовать его дыхание. Он может обдать теплом, обласкать и дать жизнь наряду с тем, что

способен обжечь и уничтожить человека. Огонь – это стихия, могущая спалить всё вокруг, и это добро, способное обогреть и спасти. И какое же горе, если этого огня нет, когда надежды его обрести борются с отчаянием пред неминуемой гибелью...» – размышлял Макар.

Замершие было конечности от согревания ныли – кровь устремилась достичь остывших кровеносных сосудов, проникла в каждый капилляр. Ноги и руки вскоре отошли, тело согрелось. Одежда высохла, и Макар, облачившись в сухое бельё, наконец-то с удовлетворением отметил: «Не пропал, значит, будем жить!..»

«Да-а, что было, то было...» – Макар тихо встал с нар, вышел на улицу. Гром дремал и тут встрепенулся, вскочил на четыре лапы, глянул на хозяина, повёл ушами. Лосев проверил лошадей, вернулся и улёгся, заснул сразу.

Глава 8

На рассвете первым проснулся Макар, глянул на своих спутников, а теперь сказать единомышленников – членов бригады, он громко скомандовал:

– Подъём, старатели! – откинул от себя суконную куртку, резко встал, потянулся и вышел на улицу. Гром встретил радостным лаем, лошади мирно жевали траву. Утро выдалось солнечное, тихое, безмолвное. Роса блестела на каждом листочке, распутившихся веточках кустов и деревьев, камни отдавали влажностью и прохладой. Макар знал: это ненадолго, под лучами небесного светила это исчезнет и будет даже припекать, таков уж климат Сибири – весна и лето жаркие, а зимы суровые, холодные, благо ветра мало – защищают сопки.

Хрусталёв, Гребнев и Груздев себя ждать не заставили, поднялись с нар и пошли умываться к ключу. Холодная вода в момент отбросила остатки сна, взбудрила.

Завтракали на улице, а Гром наблюдал – ждал, когда же перепадёт и ему. Напоили лошадей, проверили груз, посмотрели, не забыли чего, и снова отправились в дальнейший путь.

Солнце подошло к зениту, когда члены вновь испечённой артели подошли к речке, на которой и располагался приис-

ковый участок гидравлической добычи. Тот самый, на котором и предстояло заниматься старанием. Вдали через просветы деревьев завиднелись нехитрые постройки и потревоженная горными работами земля.

– А вот и наше сезонное пристанище, и поле деятельности, – объявил Лосев.

Все оживились – наконец-то добрались!

В посёлке послышался лай собаки, и Гром словно сорвался с цепи, кинулся вперёд, не разбирая дороги, перепрыгивая через кустарник.

Остановить пса Лосеву не удалось. Окрики не помогали, Гром, будто не слышал хозяина. «Только бы сторожей не покусал!» – взволновался Макар.

Подошли. Из избушки вышли двое пожилых мужичков. Поздоровались.

– И куда ж народ путь держит? – спросил один из них.

– Прибыли сюда для работы, – ответил Лосев.

– Хм, так то ж разрешение надобно, – подозрительно взглянул второй.

– Есть такое разрешение, – Макар неспешно из полевой сумки достал лист бумаги, заверенный печатью прииска, и передал в руки сторожу.

Тот внимательно ознакомился с содержанием документа и промолвил:

– Стало быть, старатели.

– Выходит так, – подтвердил Макар, забрал документ и

вложил его в сумку, но извлёк другой. – А вот копия приказа вашего директора передать нам имущество по акту и можете отправляться до посёлка.

Вторая бумага была так же скрупулёзно изучена сторожем, и он напарника известил:

– Смотри-ка, Данилыч, смена прибыла.

– А оно и лучше, Микула. Довольно прозябать, дома делов куча цельная, да и продуктишки уже на исходе, – обрадовался Данилыч. – Сядне с дороги отдохните, а завтра с утрачка и разберёмся, как подпишем акт этот самый, не откладая мы и тронем до дому. К осени глубокой нас иль других сюда пришлют, общественное добро-то руководство не оставит без надзора.

– Слышали, ваша собака залаяла, и мой пёс сорвался, как ошпаренный, где они? – поинтересовался Макар.

– О-о-о, – протянул мужик, что звали Микула. – Своего пса быстро не дождёшься.

– Чего так? – заволновался Лосев.

– Моя-то сукой будет, течка у неё началась, вот твой кобель-то с ума и сошёл – невесту увидел, пролетел стрелой мимо нас и до неё, а та в лес дура кинулась, то ли испугалась, то ли покуражиться решила. Топереча пока не работает, не успокоится, это ж то существо, что с того взять.

– Не потерялись бы, – заволновался Макар.

– Не переживай, наша псина тут за зиму и весну всю округу пометила. Так что хоть в ночь, хоть в ненастье дорогу до-

мой найдёт, а кобель твой от неё не отстанет, приткий уж больно. – Микула кивнул головой, приглашая гостей в избушку. – А пёс-то твой с виду ладный, если вязка получится, щенята хорошие будут.

– Получится, Гром своего не упустит, – рассмеялся Лосев и добавил: – Первого щенка от помёта оставишь мне.

– Оставлю, а как же, порядок знаю. Остальных продам, всё копейка какая к пенсии.

– Как перезимовали, как весну встретили, не тревожил кто? – спросил Хрусталёв.

– Беспокойств не было, тишь да гладь, – ответил Микула. – Кому надо в такую глушь пробираться, на кой. Окромя охотников, никого не было, в сторону своих угодьев след оставят и обратно так же. Им нет дела до нас, а нам до них. А весна дружно зиму скovyрнула, речка, словно кипела, лёд крошила и несла потоком, звать к урожайному году, не иначе.

– Да дай бы бог, – поддакнул Данилыч. – Домой вертанёмся, старухам отсадиться поможем – огороды пора копать, картошку да мелочь разную высаживать. Вона как весна взялась, в прошлые лета запаздывала, а ноне-то шибко уж зелень рано проклюнулась и листва распустилась.

Распрягли лошадей и оставили пастись. Вещи и продукты снесли в одну из изб, затем принялись определять хозяйственный груз: бензопилу, топоры, кирки, лопаты, скребки, промывочные лотки, молотки, гвозди и всякую мелочь.

– Что ж вы лопат и кайл навезли? Их в сарае цельное бе-

ремя, – удивился Микула.

– Своё оно и есть своё, приискового инструмента нам не надо. Спасибо что гидросооружения и бутары с тачками позволили использовать и ночевать есть где, а это для нас главное, – ответил Лосев.

– Ну-ну... – с безразличием буркнул в бороду Микула, продолжая из любопытства наблюдать, как мужики управлялись с доставленным имуществом.

Данилыч в это время топил баню. Решил прибывшим старателям приятность сделать, чтоб с долгого перехода попарились, усталость сняли, да и самим с Микулой погреть кости и помыться не помешало бы перед завтрашней дорогой. К тому же он нутром чуял, при таком внимании после бани гости водкой обязательно угостят, а это и душу ублажит.

Оно так и произошло. Баня с вечерним ужином и горячительным напитком состоялась. Вели беседу, говорили на разные темы, у кого о чём «болит», утомонились поздно и ко сну отошли где-то к полуночи.

– Хватит керосин жечь, пора тушить лампу, и на боковую, – дал знать всем Лосев, и первый вышел из-за стола. – Пойду на коней гляну, да покличу Грома.

– А чего керосин беречь, в кладовой цельных две бочки стоят, – возразил раскрасневшийся от горячительных напитков и тепла в избе Данилыч.

– Чужого нам не надо, а своё беречь надо, – возразил Макар.

– Так ён же списан.

– Тогда другое дело, поживём, может, и воспользуемся.

Несколько раз крикнул Макар собаку, обращая свой взор в сторону леса, но пёс не отзывался. «Вот любовь закрутил, надо же...» – ухмыльнулся Лосев и принялся надёжней привязывать лошадей к жердине, служившей стойлом.

Ночь опустилась над рабочим посёлком. Тишину нарушали лишь всплески речки, воды которой неслись мимо давно обжитого приискателями места.

Глава 9

На следующий день Микула и Данилыч, плотно поев перед дорогой, неспешно сложили свои нехитрые пожитки в мешки, приладили к ним лямки, взвали их на плечи и, попрощавшись со старателями, тронулись в путь.

Собаки вернулись в посёлок ещё ночью, но их появление никто не слышал. Гром, с виду утомлённый, лежал подле бани и с безразличием наблюдал за подругой, покидавшей посёлок со своим хозяином. А когда сторожа и собака скрылись с глаз, он и вовсе потерял к ней всякий интерес. Зевнул и вроде как виновато смотрел теперь на Лосева.

– Что блудный, умаялся? Жрать поди хочешь?

Гром продолжал лежать, положил голову на передние лапы и пристально смотрел на Макара.

Прежде всего Лосев решил с утра провести ревизию сплотов, служившие для пропуска воды из русла речки. Заборный приёмник был установлен, как и положено, выше по течению и с минимальным уклоном для движения воды по массивному желобу к месту промывки пород. Он прошёл по днищу сплотов и видел: за зиму и весну доски ссохлись, и по всей их протяжённости имели щели. «Надо бы уже сейчас воду через них пустить, пока раздадутся, плотность примут, займёмся установкой бутар и инструмент подготовим, забои

опробуем. Порода отошла – без мерзлоты, погода позволяет, чего волынку тянуть», – размышлял Макар, довольный надлежащим состоянием гидросооружения, и предавался благим раздумьям.

В кладовой посёлка кроме двух бочек керосина хранилось несколько канистр масел, ведро солидола и ёмкость с дёгтем, не насаженные на черенки лопаты и кайлы, три лома и ящик металлических скоб, много железных трафаретов и резиновых ковриков для бутар, несколько шахтёрских тачек. Тачки старенькие, но добротные, исправные, так что породу откачивать было на чём.

С обеда все и приступили к делам. Всё, что говорил Лосев и кому чем заниматься, исполнялось немедля.

Хрусталёв с Гребневым занялись заготовкой дров. Благо Лосев, будучи предусмотрительным человеком, прихватил с собой бензопилу. Два друга находили сухостой, валили его, на лошади, запряжённой в телегу, подвозили к посёлку. А здесь на чурки его распиливали двуручной пилой, дабы экономить бензин. Колуном чурки кололи и складывали в поленицу.

Лосев же с Груздевым, прихватив с собой промывочный лоток и кирку с лопатой, направились на участок горных разработок.

Забои горных пород, оставленные приискателями прошлой осенью, от весенних паводков чуть оползли, но следы последних работ были видны, особо при плотике – неплот-

ная скальная поверхность местами заглублена, вероятно, рабочие зачищали западения с наилучшим содержанием драгоценного металла, что называется «подбирали под метёлку».

Лосев окинул взглядом участок, приглядывался, думал, где бы начать опробование? Решил идти последовательно, не прыгать с места на место – то здесь, то там.

– Давай, Тихон, наскребай тут, – скомандовал Лосев и подставил лоток для его наполнения породой.

Тихон несколько раз ударил киркой о грунт, подцепил две лопаты и вывалил материал в лоток.

Макар, тут же взяв лоток в руки, подошёл к речке и принялся промывать содержимое. Тихон же с любопытством наблюдал за процессом и ждал результата.

Лоток в руках Лосева периодически наполнялся водой, от последовательных движений она разжижала породу, а когда Макар оттягивал лоток на себя, то муть и камушки смывались. Так он повторял много раз, пока на дне лотка не остался мизер породы. А потом и мизер был смыт и на днище шевелился лишь мельчайший песок, среди которого оба заметили блестящие скудные золотишки.

– Есть значки! – обрадованно объявил Макар.

Тихон во все глаза разглядывал мельчайшие крупички, поблескивавшие на солнце.

– Что ж золото такое мелкое? Это сколько же нужно земли перерыть, чтобы на хлеб заработать, – разочарованно за-

метил Груздев.

– Такое как видишь. Чего нос повесил? Всего-то четверть ведра промыли. Это ж проба, а по ней можно судить, стоит ли в этом месте породу брать. Сейчас проверим все забои, и будет ясно, где нам лучше работать. Золото оно ведь не клад какой, копанул – и вот он горшок с драгоценностями, – рассмеялся Лосев. – Через бутару тачками прогоним, увидишь потом, каково настоящее золото, и крупное бывает, и самородки попадают. Оно и называются здешние месторождения – россыпные, золото, значит, россыпью в недрах залегает, словно крупа или бобы по размеру разные.

Убедительность Лосева в своём толковании вселила и в Груздева веру в успех предприятия. Для него это дело было новое, ранее не изведанное, а потому и предался обнадёживающим рассуждениям и даже представил себя зажиточным и независимым человеком.

В одном из уступов пробы оказались лучше, и Лосев принял решение добычные работы начать здесь.

Бутару установили как можно ближе, но и чтобы водосток со сплотов приходился прямо в него.

Глава 10

На следующий день все сообща выставили наилучшим образом бутару на низкие козлы-крепыши, уложили в неё резиновые коврики, а на них металлические трафареты – промывочный шлюз был готов. Состыковав несколько штук досок, а их в посёлке целый штабель, соорудили из них ходок для тачек. По рыхлому грунту с мелким камнем катить тачку, наполненную породой, невозможно, намучаешься, а воз с места не сдвинется. А вот такая малая механизация в самый раз – нагрузил – и кати по доскам, бежит тачка, только силы имей и сноровку, толкай и сдерживай, чтоб не опрокинулась.

Лосев объяснил членам бригады, каким образом и что делать. Работа простая, но трудоёмкая.

Когда пустили воду в бутару, Макар перекрестился, сказав:

– Ну, мужики, помогай нам Бог!

Первым взял кирку и принялся кайлить породу. Остальные не отставали, кайлили с усердием. Вскоре взрыхлили часть забоя.

– Теперь за лопаты и тачки и айда выдавать на гора. Вы трое на погрузку и откатку до бутары, я же буду прогонять пульпу по шлюзу. По мере погрузки и доставки породы, меняйтесь местами, так меньше усталость одолеет, – подсказал Макар.

По мере разгрузки тачек Макар скребком с усердием ворошил породу, а та, превращаясь в мутную пульпу, смывалась с бутары, камни разной фракции он скребком протаскивал и сбрасывал в хвосте шлюза, крупные отбрасывал через борт бутары.

Вода непрерывным потоком делала своё дело.

– Э, так с таким напором и золото может снести, – настоужился Гребнев. – Смотри, как породу размывает и несёт, да и ты, Макар, ещё подсобляешь.

– Не снесёт, золото металл тяжёлый, всё осядет в трафареты.

Сколько промыто тачек с породой Лосев считал, а как их стало четыре десятка, заметил – настало время вскрывать шлюз.

– Всё, пока стоп, пора делать первую съёмку.

Хрусталёв с напарниками оставили в покое кайлы, лопаты и тачки. Вытерли выступивший на спинах и лицах пот, подошли к Лосеву. Маленький перекур – и принялись впервые в жизни осуществлять подъём трафаретов. «Сколько же намыли?...» – витало у каждого в голове.

Макар скребком прошёлся по шлюзу, сбросил остатки породы, и вот уже на ковриках остался концентрат – золотосодержащий обогащённый песок. Воду отвели с бутары и взяли за коврики.

На всём протяжении шлюза размещалось около двух десятков ковриков, лежавших один за другим плотно один к

одному. Поднимали два-три и высыпали в лоток. Лосев с ним тут же к речке и за промывку. Сидя на корточках, работал аккуратно, сосредоточенно, и его волнение передалось членам бригады. Все напряглись, ждали.

Наконец, когда же всё пустое, лишнее было смыто, все увидели матово-сверкающее с жёлтым оттенком золото. Оно было словно мелкая крупа, часть размером с пшено, рис и несколько с горошину, абсолютно разной формы – пластинчатые, сплюснутые, с порами и раковинами на поверхности, иные были гладкими.

Лица осветились.

– Есть первый металл! – воскликнул Макар и торжествуя глянул на напарников. Что в этот момент думали Хрусталёв, Гребнев и Груздев, Лосев не знал, но догадывался по их засиявшим глазам и довольным лицам.

Последующие концентраты дали аналогичные результаты. Радость переполняла души. Намытое золото высушили на противне над огнём. Взвесили. Весы показали тридцать восемь граммов.

Отобедав с большим аппетитом, работы продолжили. Со второй съёмки намыли чуть меньше – тридцать четыре грамма. В совокупности день даром не прошёл – семьдесят два грамма были ссыпаны в один мешочек.

За ужином только и было разговоров о первом дне съёмки. Оживлённо обсуждали начало старания, высказывали мнения, как бы не подвела погода, строили планы. Но боль-

ше интерес проявляли к возможному количеству намывки за сезон. Лосев больше слушал мужиков, нежели вступал в оживлённую беседу, когда же речь зашла о промывочном сезоне, а вернее, какой ждать от него результат, он высказался:

– Мужики, в таком разе прибегнем к математике. – Макар взял в руки карандаш и бумагу, чтобы что-то записывать. – До обеда мы промыли сорок тачек, это примерно четыре кубометра, если учесть объём тачки сто литров, – вписал он и продолжал свои расчёты: – После обеда столько же. Всего восемь кубов. Все граммы делим на кубы, получаем девять граммов на один метр кубический, таково среднее содержание золота в породе. Возьмём его за основу. Если каждый день, как сегодня, работать, в месяц должны получить два килограмма сто шестьдесят граммов. Сезон начали можно сказать с середины мая, закончим предположительно в конце сентября, то есть четыре с половиной месяца. Два сто шестьдесят множим на четыре с половиной, получаем девять килограммов семьсот двадцать граммов. – Макар подчеркнул цифру, дав понять, что их ожидает при таком раскладе.

– Здорово. Это ж на брата подели-ка, сколько выходит? – оживился с вопросом Груздев.

– Делим. Почти по два с половиной килограмма.

– Нормалёк. А можа и самородочек выскочит какой, знать, и больше нароем.

– Кто знает, может, и поднимем, но не говори гоп, пока не перепрыгнул. Слышал, находили на этом месторождении

экземпляры крупные до килограмма, и более, так что будем трудиться и надеется. К тому ж содержание цифра не постоянная, может, значительно возрасти, может, и беднее стать.

– Последнее не хотелось бы, – отреагировал Гребнев.

– Всё, хватит балакать о пустом, что будет и как будет.

Сколь в недра подземные пенаты золота спрятали, только им ведомо, – рассмеялся Макар. – Довольно, мужики, рассусоливать, на боковую, завтра вставать рано.

Глава 11

Два месяца работы, каждодневной натруженной. Усталость снимала два раза в неделю баня и отменное питание – для живота не жалели, труд тяжёлый требовал сил. И надо сказать, съёмки радовали. Золото шло хорошо, подняли и несколько небольших самородков по несколько десятков граммов. Металл ссыпали в трёхлитровый алюминиевый бидончик. Каждый раз с волнением наблюдали, как он наполнялся, закрывали плотно крышкой, обвязывали куском брезента и прятали на краю посёлка под крупной елью. Хранилище вырыли не особо глубокое, и оно прикрывалось сверху дерном. Незнающий человек пройдёт мимо и даже не обратит внимания – искусно замаскированная поверхность земли не выдавала, храня в себе достаток старателей.

Макар ежедневно вёл журнал – записывал вес намытого золота и нарастающим итогом проставлял суммарную цифру с начала ведения работ. За это время два раза переставляли бутару и меняли место забоя. Нашупали более богатую жилу, и съёмки улучшились. Три дня не работали – шли проливные дожди, когда выпадали мелкие осадки, темпы не снижали, не обращая внимания на морось.

Как-то Гребнев за ужином спросил Лосева:

– Макар, а если скрыть от прииска часть золота и самим этой утайке найти применение в сбыте, как ты на это смот-

ришь?

– Побаиваюсь.

– Ведь никто, кроме нас, не знает, сколько мы намыли или намоем. Прииск же не насыпал его в наши забои.

– Во-первых, геологи знают ориентировочное содержание золота в песках, прибросят, посчитают, могут возникнуть сомнения. А как вылезет при сбыте что наружу, сроков не избежать. Нет, Борис, на такое пойти не могу и вам не советую. Я предупреждал: крысятничать – это последнее дело, больно последствия предсказуемые. Вы-то холостой народ, а у меня семья.

«Вот Лосев, до чего же честная личность, на таких правдивых воду и возят. Чего испугался, умыкнули – и всё тут, а там каждый по себе и сбывали бы, не сумел – засветился, сам и отвечай, а корешей-то зачем выдавать. В таком деле главное языком не лопотать и присматриваться, а без оглядки понятно, есть факт пострадать. При удачном же раскладе, карман от денег оттянулся бы, и прощай бедность, лови шик и блеск. Нет, отработаем сезон, а на следующий год сами, втроём мыть будем. Часть сдавать, остальное в свою кубышку, Хрусталёв с Груздевым в этом свои корешаны, так что всё отладим. А Лосев соберёт бригаду новую. В Ягодном народе хватает, подберёт, охочие есть люди», – рассуждал Гребнев.

– Ладно, замыли, так спросил. А почём прииск у нас золотняк примет?

– По два рубля за грамм.

– Не обманут?

– Договором прописано и печатью заверено.

– Бумага есть бумага.

– Не надо думать дурно, это же не царское время, когда золотопромышленники старателей обманывали или вовсе без расчёта спускали. Тогда бесправие было, а прииск – это ж государственное предприятие, и всё должно быть по закону.

– По закону, – язвительно повторил Хрусталёв. – Побывал бы ты, Макар, в зоне, поглядел бы тогда, как там законы выполняются, беспредел и управы нет ни на начальство, ни на охранников, а бывшие убийцы разводят такие порядки, только и смотри в оба, чтоб не подрезали, иль калекой не сделали. Согнут любого, коли не повиновался, в чём иль ответил не так. И дела нет никому, зона живёт своей жизнью, и за колючкой знать не знают, кто кого там закручивает.

– Не к месту сравнил зону с правоотношениями старателей и прииском, там порядки тюремные, а совесть лежит на тех, кто беззаконие творит, придёт время, и там строй наведут. У нас же всё по-честному сладится, сколько заработаем, столько и получим, – возразил Лосев.

В конце августа все сидели в избе, после трудов и, напарившись в бане, хлебали суп, пили чай. Макар как обычно взялся за свой журнал и вписал очередную съёмку металла и тут оживлённо встрепенулся:

– Ребятки, могу поздравить: на сегодняшний день нами

намыто двенадцать килограммов, а если точнее – двенадцать килограммов и сто пятьдесят три грамма. Если дальше так пойдёт, почти до пуда дотянем.

– А чего и дотянем, месяц впереди. И смотри, какую закопушку надыбали, если б ещё пару таких – и больше сорвать можно, – размечтался Гребнев.

– Только бы заморозки раньше времени не нагрянули. Шуга пойдёт и раньше заставит закругляться. – Лосев закрыл журнал и предложил Гребневу сходить вместе спрятать бидончик с золотом в тайник.

– Прикинь, с каждым днём всё тяжелее. – Борис нёс бидончик в прекрасном настроении. – Будет ноне девок, чем соблазнять, ух, жизнь закручу!

– Чего ж до сего времени не женился? – поинтересовался Макар.

– Сначала балду гонял, дурую маялся, потом попал в детскую колонию за кражу, освободился, устроился на работу, снова чёрт опутал – сблатовал один друг на дело – квартиру грабануть, да осечка вышла – попались, снова тюрьга, вот и вся моя биография. Хотя девица одна есть, ждёт меня окаянная, призналась: какой ты ни есть, а что-то притягивает меня к тебе, говорит, куда хочешь, с тобой поеду.

– Так сыграл бы свадьбу, глядишь, и жизнь по-иному сложилась. Характером-то покладистая дама, не капризная?

– Не сказать, чтоб красавица, но привлекательная, мозги на месте, правда, доверчивая, но отчаянная. Пока сидел, за-

муж выскочила, учёбу в институте забросила, разошлась, одна говорит радость у неё – детей от замужества не заимела, кто с ребёнком замуж возьмёт. Была ране история с ней заковыристая, так удалось ей выпутаться. Рассказывала, слезами заливалась, натерпевшись, а потом от брака неудачного ко мне душой прикипела.

– Какова же история с ней приключилась?

– Долго рассказывать, Макар. Как-нибудь в другой раз изложу, глазами только хлопать будешь.

Бидончик спрятали и зашагали в сторону избушки.

Хрусталёв вошёл в лесную хату, а Гребнев остался на улице, присел на лавку и закурил.

Сидел, задумался, и всплыли в памяти давно минувшие годы, в которые и произошла необычная история со знакомой ему девушкой по имени Лариса. После произошедших событий и когда она уже благополучно вернулась в Иркутск, она со всеми подробностями рассказала ему всё, что произошло...

Лариска окончила школу и хотела поступить в высшее учебное заведение, но на экзаменах провалилась. Вернуться домой в Нижнеудинск не захотела, понравился Иркутск. Город большой, многолюдный, много предприятий и организаций, трудоустроиться нет проблем, поработать год, а там попытаться вновь поступить в институт народного хозяйства.

Так получилось, познакомилась с девушкой-одногодкой

Тамарой. Она из Тулуна и также завалила экзамены и осталась в городе. Родители, конечно, обеих девушек были недовольны их решением остаться в незнакомом городе, но те уговорили, заверив: снимут комнату, устроятся на работу и будут вместе жить и помогать друг дружке. Родители и отступили, мол, чего возражать, коли молодёжи самостоятельности захотелось, и посылали им деньги на нужды, пока с работой уладится.

Девчата скучать себе не позволяли – прогуливались по скверам, по берегу Ангары, ходили в кинотеатры, иной раз посещали танцы. Обе приглянулись двум приятелям. Молодые ребята работали на производстве. Пять дней занимали смены, а суббота с воскресеньем свободны, как, впрочем, и все вечера в будние дни. Встретаться ничто не мешало, и встречались, правда, не часто. Вместе гуляли в парках, ходили в кино, а иногда раздельно парами. Парня, что встречался с Тамарой, звали Егор Вершинин, а что дружил с Ларисой – Борис Гребнев.

Однажды, прогуливаясь днём по берегу реки, девушки остановились и с интересом смотрели на воду и прибрежные всплески. К ним подошёл молодой человек элегантный на вид.

– Вы так увлечённо смотрите вдаль, можно подумать разглядываете своё будущее, – улыбнувшись, сказал он.

– Да, представьте себе, разглядываем.

– И как оно выглядит?

– А вы, собственно, кто?

– Я? Простите не представился. Позвольте внести ясность: представитель крупной московской сети обслуживания. Зовут меня Константин. А вас как?

Девушки назвали свои имена и с удивлением глянули на нового знакомого – москвич!

– Вы так на меня смотрите, будто рассматриваете диковинный исторический экспонат.

Тамара и Лариса рассмеялись.

– Нет, просто удивлены. А чем вы здесь занимаетесь? – поинтересовалась Лариса.

– Веду оргнабор кадров на наше производство в Москве. Присматриваюсь к молодым людям, в основном девушкам, подходящим к установленным требованиям.

– И что же за требования? – У подруг, услышавших о наборе молодёжи в столицу, в глазах загорелся повышенный интерес.

Константин сделал паузу, как бы показать безразличие к заданному вопросу, а затем пояснил:

– Потребность в кадрах пока есть, но по сроку ограничена, всем, кто будет принят, гарантировано проживание, а что касается требований к девушкам, это, прежде всего, иметь привлекательную внешность, быть стройными, общительными.

– А чего, Константин, на ваш взгляд мы соответствуем? – девушки улыбались и выжидающе ждали ответ.

– Вполне, вид respectable, я бы сказал подходящий.

Но вряд ли у вас получится.

– Почему? – огорчились Тамара с Ларисой.

– Наверняка учитеесь или где-то работаете, родители, вряд ли отпустят, ухажёры перед поездом на рельсы лягут, – с последней фразой Константин рассмеялся.

– Мы девушки свободные, не учимся, пока без работы, а с ухажёрами повременим, если любят, подождут, да и вообще мы не будем в таком разе никого предупреждать, если мы вам приглянулись, – с жаром выдохнула Лариса и воскликнула: – Представляю – работа в Москве!

– Да, было бы здорово, но надо подумать, – отреагировала Тамара.

– А чего тут думать? Поехали! Только родителей пока в известность ставить не будем, пусть для них будет сюрпризом. Представляешь, как удивятся. А Егор с Борисом вообще ахнут.

– Правильное решение, вроде как в самоволку сбежали, – с улыбкой одобрил новый знакомый.

– А что же за работа?

– Разная. Сфера обслуживания обширная, и всё зависит от индивидуальных способностей каждого, а это уже рассматривается на месте, при собеседовании в отделе кадров и начальством.

Константин обрисовал девушкам в общих чертах разнообразность занятий, посоветовал, если решили, то не тянуть

время, а поторопиться. Пообещал купить им билеты на поезд, проводит на вокзале и позвонит своему коллеге, чтобы их встретили на московском вокзале, а тот всё устроит как надо. Расставаясь, Константин дал номер телефона, по которому они ему сегодня должны позвонить о своём окончательном решении, и тогда он будет заниматься ими.

После того как подруги расстались с Константином, они долго не раздумывали и через два часа позвонили ему о своём согласии, их просто распирало нетерпение.

Константин на самом деле купил билеты и на следующий день девушки отбыли на поезде из Иркутска до Москвы, никого не предупредив.

По прибытии в Москву, их на вокзале встретил высокий молодой мужчина. Одет он был в серый костюм, белая сорочка с галстуком, выглядел элегантно, улыбался и своим видом внушал доверие.

– С прибытием, красавицы. Вы и есть Лара и Тома? – девушки кивнули с любопытством, разглядывая мужчину. – А я тот самый Геннадий, можно просто Гена, мне поручили вас встретить. Сейчас я вас отвезу в гостиницу, там уже съехалось немало желающих на трудоустройство, и с вами побеседуют, а там уже определяют, в какую конкретно сферу деятельности вас примут. Вы девчата симпатичные, так что, думаю, вам повезло – шикарное место обеспечено. Кому-либо говорили об отъезде в Москву для трудоустройства?

– Нет.

– И правильно умолчали. Кто хвастает преждевременно, у тех мечты не сбываются. Сделал дело, а потом трезвонь.

Геннадий вывел девушек с платформы и сопроводил до привокзальной площади. Открыл дверцу легковой машины, пригласил сесть на сиденья, дверцы закрыл, а сам сел за руль. Машина тронулась. Подруги были в восторге – их не обманули, встретили, мужчина приветливый, очаровательный, едут на шикарном автомобиле по столице и разглядывают окрестности Москвы.

– Кстати, паспорта у вас далеко? – спросил Геннадий.

– В сумочках.

– Прекрасно. Вы достаньте их и отдайте мне, чтобы, как приедем, не терять время на ваше оформление.

Девушки отдали документы и продолжали через окна автомобиля любоваться достопримечательностями города.

Когда же подъехали к гостинице, Геннадий вышел из машины и к нему подошли двое таких же элегантно-одетых мужчин, но по возрасту старше Геннадия.

Они о чём-то накоротке переговорили, и один из них, приветливо улыбаясь, предложил девушкам пересесть в другой автомобиль.

Тамара и Лариса безоговорочно пересели, и машина покатила дальше. Девушки, спохватившись, что паспорта остались у Геннадия, воскликнули:

– Наши паспорта у Гены, он забыл нам отдать!

– Чего так встрепенулись, милашки, они и должны быть

у него. Как вас оформит в гостиницу, привезёт и вернёт, а пока доедем до руководства.

Девушки успокоились, хотя где-то в глубине души у обеих чуток ёкнуло – что-то не так. «Ведь Геннадий говорил: сначала оформит в гостинице, а потом повезёт на собеседование. А тут без паспортов везут в какую-то контору. Как же можно беседовать и устраивать нас на работу без документов?..»

Ехали, и минут через тридцать машина затормозила во дворе малоэтажного жёлтого здания. Девушек попросили выйти из машины и проводили в подъезд дома, затем провели на второй этаж, позвонили в дверь. Им открыла дама средних лет, с накрашенной внешностью, за её спиной появился крупный на вид мужчина, через костюм даже можно было предположить у него накаченные мускулы, вероятно, занимается тяжёлой атлетикой, а может и от природы таким вымахал. Вошли, дверь сразу заперли на ключ, и это ещё более насторожило подружек.

– Принимайте товар, – сказал один из сопровождавших.

Женщина оценивающе глянула на девушек, и через плечо бросила амбалу:

– Рассчитайся.

Тот достал из внутреннего кармана пиджака пачку денег, отсчитал несколько купюр и передал в руки тому, кто объявил «принимайте товар». Тамара и Лариса успели заметить, что деньги были не советские, вроде такие, какие они виде-

ли на картинках и снимках в одном иностранном журнале – доллары. Такие журналы являлись редкостью, было не принято или запрещалось их хождение по стране, и так запросто ими не воспользуешься. Как-то при проявленном любопытстве им представился случай полистать страницы издания у одного незнакомца. Человек шёл по парку и присел на лавочку, где сидели девушки. Достал из портфеля журнал и стал его читать. Подруги заинтересовались необычным типографическим ярким оформлением журнала и попросили посмотреть, им не отказали...

– Проходите в большую комнату и располагайтесь, – предложила женщина, сама же удалилась в другую, и слышно было, как она по телефону кому-то звонила, говорила с кем-то о каких-то апартаментах и сроках их ремонта.

Когда подружки вошли в зал, то увидели четырёх симпатичных девушек, сидевших на диване. Бросилось в глаза – они не в восторге, что находятся здесь, – на лицах растроганность и даже откровенный страх. Сердечки Тамары и Ларисы учащённо забились. «Явно что-то здесь не так... Куда мы попали? Что всё значит? Почему нас привезли на какую-то квартиру, а не в контору или гостиницу? Где начальство или сотрудники отдела кадров? Документов пока не вернули...»

– А вы, девушки, тоже ожидаете трудоустройства или вас уже оформили? – спросила Лариса.

– Ага, считайте и вас уже оформили, – ответила одна из девушек.

– В смысле? – насторожилась Тамара.

– В прямом. Попали вы с вами в такую задницу, что мама не горюй. Мы такие же дуры, как и вы, клюнули, поверили и поехали в Москву, а тут...

– Что тут?

– В публичном доме хотят нас использовать, в проститутки записали.

– Как? – в один голос ахнули Тамара и Лариса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.